

Леонид Нестеров

*Прощальные
вспышки
Родины*

Леонид Нестеров

Прощальные вспышки Родины

«Издательские решения»

Нестеров Л.

Прощальные вспышки Родины / Л. Нестеров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838280-2

Я случайно наткнулась на эту рукопись и такой же, как вы, средний человек с улицы, я смеялась здесь и плакала там над ней. Поэтому я думаю, вы будете делать то же самое. Что-то в этой книге для десятилетних детей. Что-то — для любителей мягкого порно. В этой книге есть все — слезы, смех, секс, жестокость, военно-промышленный комплекс, какие-то запредельные вещи, КГБ, «рассказы в рассказах» и немножко стихов.

ISBN 978-5-44-838280-2

© Нестеров Л.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от английского читателя и немножко от автора	6
Оффтопик	8
Предисловие от автора	9
Телескоп на чердаке	10
Типичное объявление	12
Неплохое название для книги	13
Пока не забыл, хочу сказать...	14
Три сумасшедших и собака	15
Долгожданный праздник	17
Час истины	18
Рука большая и рука маленькая	20
Спор на американку	22
Вот так Обед	24
Белый пар на голубом фоне	26
Нагоняй ни за что	27
Новогодняя ёлка во Дворце пионеров	28
Восемь постов для ловли шпионов	30
Как Вы поживаете, Мистер Киплинг?	32
Самый счастливый день моего детства	33
Лошадь и половина коровы	35
Столик на пятерых	37
Хлеб навсегда	38
Мой первый сексуальный опыт	39
Дитя ленд-лиза	41
Последний день моего детства	43
Дикая жизнь	45
Любовь водопроводчика	47
Рыба на свадьбу	49
Отмененный полет	50
Россия – родина слонов	52
Трамвай по имени Желание	53
Страшнее кошки зверя нет	55
Оперная студия Консерватории	57
На двух инструментах сразу	59
Крещение в тумане	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Прощальные вспышки Родины

Леонид Нестеров

*«Стократ благороднее тот
кто не скажет при блеске молний —
смотри! Это – наша жизнь!»*

Басе

© Леонид Нестеров, 2017

ISBN 978-5-4483-8280-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда-то у автора была собака Динга. Говорят, что владельцы собак становятся похожими на их питомцев. Если это правда, то автор в его лучшую пору должен был бы выглядеть, примерно, так.

Предисловие от английского читателя и немножко от автора

Прощальные вспышки Родины... Сто десять тысяч слов, не всегда в корректном английском... Я случайно наткнулась на эту рукопись и такой же, как вы, средний человек с улицы, я смеялась здесь и плакала там над ней. Поэтому я думаю, вы будете делать то же самое.

Что-то из этой книги для десятилетних детей. Что-то из нее для любителей мягкого порно. Те, кто задумываются о смерти и ужасно озабочены тем, что ожидает нас «там» – ваше дело, верить этой книге или нет, но на всякий случай загляните в нее, загляните!

В целом, эта книга – для большинства из нас, взрослых мужчин и женщин, которые, подобно мне, сыты по горло повседневной рутинной нашей бытия. Хотя бы для забавы, давайте нырнем в эту чужую, изумляющую жизнь! В этой книге есть все – слезы, смех, секс, жестокость, военно – промышленный комплекс, какие-то запредельные вещи, КГБ, «рассказы в рассказах» и немножко стихов.

Еще там есть эпиграф

«Стократ благороднее тот,
кто не скажет при блеске молний:
«Смотри! Это – наша жизнь!»

Японский поэт Басе в семнадцатом веке сказал эти слова. Дзенский дух, по-моему, он утонул, когда пьяный пытался ведром зачерпнуть луну в озере. Он был бы доволен автором этой книги, я полагаю.

Ни на кого не похожий, недрессированный, словно полярный медведь, он – этот автор – не столько говорит о молниях, вспыхивающих вокруг нас, как демонстрирует их. В конце концов, даже если одна из них ударит слишком близко к вам, вы имеете право в любую минуту зажмуриться и воскликнуть: «Черт бы его побрал, этого человека!»

P. S. А это я сам добавил.

Тебе посвящаются, жизнь,
сто строчек последней недели:
уж все мы глаза проглядели —
когда ты ударишь, скажи?

Не выпить нам, не закурить —
мордастым твоим запевалам:
должны мы – ни много ни мало —
хоть в слове тебя повторить.

...И черные камни – у ног,
и синее небо – в Начале,
и красная дрожь иван – чая —
как будто последний звонок.

Сейчас Небеса разведут
и выпустят нас на арену —
нам лучше ослепнуть, наверно,

на эти пятнадцать минут...

Оффтопик

Я об этом случае еще никому не рассказывал, потому что сам не знаю, как к нему относиться. Впрочем, и сейчас не знаю.

Когда я как снег на голову свалился к моей старшей дочке в Англию, мы жили довольно трудно – и денег нехватало, и дом, который она снимала, был маленький и в плачевном состоянии, хотя и в достаточно уважаемом районе Лондона. Но с временем все как-то уладилось, я приличную работу получил консультантом в Сити, и дочка с ее мужем достойно организовались. Ну там почти половину денег налоги и страховки отнимали, в Россию много уходило, но все равно – верхушка среднего класса как-то сама собой нарисовалась.

В общем, задумались мы о покупке своего дома. А тут как раз новое строительство подвернулось. миль пять за мотовэем, который Лондон от неЛондона отделяет, на самой границе «зеленого пояса», где всякое строительство только с разрешения Парламента разрешается. Купили мы еще недостроенный дом, прикупили земли для сада, только там даже палатку поставить без разрешения властей нельзя, потому что уже «зеленый пояс», и скоро туда переехали.. И начал я обживать окрестности. Было мне тогда, примерно, 64.

Однажды уже во второй половине дня забрел я в лесок за полями километров пять от дома, стемнело как-то быстро, и я в этом леску заблудился – куда ни пойду, в какие-то глухие заборы утыкаюсь, в проволоку колючую, в ежевику непроходимую. Стало совсем темно, и, честно говоря, испугался я здорово – не за себя, я понимал, что наутро все-таки выберусь, а за своих близких – как они эту ночь переживут.

Стою посреди чащи и чуть на плачу.

И вдруг откуда ни возьмись, появляется человек со стаей собак. Сколько их было – я толком сосчитать не мог, они прыгали вокруг меня и на меня, этикие огромные белые пятна в темноте, но тяжесть их лап на моих плечах, горячее дыхание и шершавый язык я чувствовал. Собаки как собаки, только очень большие.

А вот человек выглядел странно, потому что в этой темноте я видел его лицо. Не то, чтобы оно светилось, но видел я его отчетливо, хотя и не понимал – как это может быть. У него была большая седая борода и румяное лицо без единой морщинки, такие бывают шаолиньские старцы с приклеенной бородой в гонконгских фильмах, или вот Вертинский, каким я его видел в первый и единственный раз со всеми его возможными и невозможными подтяжками лица – резиновая кукла вместо живого человека.

Я попросил этого человека указать выход, он не ответил мне, но махнул рукой, указывая мне путь, и кусты в том направлении словно расступились. Я пошел туда, а за спиной все время тяжело шлепали собачьи лапы, и чей-то холодный нос то и дело тыкался мне в руку. Минут через пять я увидел огни магистрали. Я обернулся назад – поблагодарить этого человека, никого и ничего позади не было.

Потом я много раз бывал в том леску, изучил его вдоль и поперек, и всякий раз удивлялся – как я мог там заблудиться. Года через два там организовали маленькое кафе, где на стене за стеклом я прочитал бумагу, в которой было написано, что, примерно, каждые пятьдесят лет здесь появляется Друид со своими Собаками, которые загрызают попавшихся путников, принося их в жертву деревьям этого леса. Первое упоминание об этом Друиде относится к 1468 году, последний загрызенный был найден в 1946 году, причем эксперты утверждают, что зубы были не собачьи.

Предисловие от автора

Откровенно говоря, я долгое время не понимал для чего я пишу эту книгу. Мне всегда хотелось написать что-то совершенно другое, например, историю какой-нибудь забытой страны – как там на стене уже появились огненные слова «ене, Мене, Такел, Фарез», а люди еще продолжали работать, смеяться, плакать, планировать будущее своих детей, и только пара чудаков чувствовали какие-то странные вибрации в воздухе.

Это должна была быть знаменитая страна, с богатыми традициями и культурой, подобно Вавилонии, но мои малые исторические знания останавливали меня. Я не знал, например, действительно ли Навуходносор под старость лет сошел с ума и был заживо съеден вшами, или его многочисленные враги выдумали эту байку.

Только после того, как я закончил эту книгу, до меня дошло – я выполнил мое желание! Практически я написал книгу о забытой, потерянной для меня стране, какой она была (возможно, только для меня) и, наверное, никогда больше не будет. Эта книга – прощальные вспышки памяти из забытой страны.

Для окончательного прощания я высек эти вспышки на чужом для меня английском языке.

Не надейтесь найти в этой книге «историческую правду». Эта книга – не более, чем зыбкий мираж моих воспоминаний, летящий по ветру мыльный пузырь моего «внутреннего мира».

«В жизни все не так, как на самом деле».

Это достаточно трудная работа – писать книгу. Я очень рад, что я закончил ее наконец. Шехерезада выдумывала ее истории ради собственной жизни. Шелковый шнурок не угрожает мне. Почему я должен так долго волочить ляжку в этой скучной затее? Я сыт по горло этой книгой – или скорее долгим разговором с самим собой, а вернее – с кем-то, кто живет во мне.

Вы слышали о человеке, который пришел к психиатру и сказал: «Доктор, помогите мне, пожалуйста. Я все время говорю с собой». «Ну и что? Я тоже». «Да, но если бы Вы только знали, доктор, – какой я нудный!»

На самом деле я не хотел заканчивать эту книгу. Если бы только она никогда не кончалась! Как только я поставил последнюю точку, эта книга обрела свободу.

Она спрыгнет с моего стола и, как молодое доверчивое чудовище, побежит к Вам на своих маленьких тонких ножках.

Пожалуйста, не обижайте ее! Дайте ей подрасти.

Если бы я был кинорежиссером, я бы закончил свой фильм так: последняя вспышка – кусок леса, три сосны, гудящие от сильного ветра под низким небом, два боровика в чистом белом мху и – фокус вниз – старая осторожная змея, у которой хватает сверхчеловеческой мудрости не высовывать свою голову из укрытия, пока она не убедится, что это будет безопасно для нее.

Я не собирался печатать эту книгу на русском, но раз уж так родилась какая-то возможность, в это издание я добавил какие-то свои стихи, не имеющие, впрочем, к ней никакого отношения – моя вина, что настоящего прощания пока что не получилось.

Телескоп на чердаке

Мой дед по материнской линии был незаконный сын знаменитого польского графа (полторы колонки в энциклопедии Брокгауза) и неизвестной красавицы-еврейки. Граф дал своему незаконному сыну образование, выстроил в России деревенскую школу, принял на себя текущие расходы и назначил его директором. В 1901г., когда моему деду было сорок, он женился на учительнице из этой школы – моей бабушке. Ей было шестнадцать, и ее фамилия была Нестеова, ее брат еще не стал знаменитым.

Дед с молодой женой жили на западе России, в Смоленской области – предельной точке, где когда-то (по мнению некоторых историков) Наполеоновская армия еще была уверена в победе.

Там были холодные зимы и жаркие лета и щедрая земля. Мой дед разбил большой сад. В том саду были пруды с зеркальными карпами, и шестьдесят ульев, и двадцать шесть яблонь, и вишни служили забором. Когда все эти деревья цвели, это было прекрасно...

В этом хозяйстве были корова – медалистка, дающая ежедневно по тридцать три литра молока, и лошади, одна из которых случайно убила пятого дедушкиного ребенка. И еще там была уверенность в завтрашнем дне.

В то время еще не исчезли особые люди в России, которые называли себя «Народники». Народники чувствовали свою вину перед народом из-за их собственного хорошего образования и материального благополучия. Они старались загладить эту свою вину. Под народом они понимали только крестьян. Они полагали, что из всех Русских людей только крестьяне не испорчены обществом и только крестьяне сохранили лучшие черты Русского человека. Знаменитый писатель, граф Лев Толстой, был их духовный вождь. Он хотел быть похожим на крестьян и поэтому отказывался есть мясо. В своем огромном имении он ходил босой и, случалось, вставал за плуг. Мой дед переписывался с ним и пропагандировал его идеи.

Он старался помогать крестьянам. Он часто оплачивал их лечение, давал им бесплатное молоко для их детей, саженцы из своего сада и одалживал им своего дорогого жеребца – производителя. На школьном чердаке он поставил телескоп и читал крестьянам лекции по астрономии, с чаем и пирогами. Эти лекции были достаточно интересные и на них всегда присутствовало много народа.

Советская Власть сначала почти не затронула жизнь его семьи, только в школе к портретам Толстого и Менделеева добавились портреты Ленина и Сталина. Все продолжало идти прекрасно до 1937 года, когда один из тех крестьян, кто слушал лекции по астрономии, написал письмо в КГБ (тогда это называлось ГПУ). В письме говорилось, что кто-то в этой школе выколол глаза на портретах Сталина. За такое мрачное преступление мой дед был арестован, объявлен Врагом Народа (был такой официальный термин) и расстрелян в двадцать четыре часа.

Вероятно, можно поднять какие-нибудь специальные архивы и выяснить куда – вверх или вниз – повели его для расстрела, и сколько ступенек было в той лестнице, и какая стена – кирпичная или бетонная – встала позади него, и о птице – свистнула ли она ему напоследок. Но мы никогда не узнаем, о чем он думал в свои последние минуты: вспоминал ли он своих пятерых детей, или своего великого гуру, или крестьян, которых он угощал пирогами на школьном чердаке.

Я не знаю, как мой дед выглядел, но я хорошо помню деталь этого телескопа. Она долго валялась в нашей ленинградской квартире, пока какой-то чудаков не выменял ее за кусок хлеба на блокадном черном рынке. В то время мне было жалко отдавать эту деталь, потому что я собирался достроить телескоп, чтобы увидеть моего деда на Луне. Сейчас мне хочется верить,

что именно эта штукавина спасла мою маму, бабушку и меня от голодной смерти, хотя я понимаю, что такая идея – скорее поэтическая.

Типичное объявление

Я очень мало знаю о моем отце. Мне известно, что этот высокий блондин с пронзительными голубыми глазами и еврейской фамилией вроде бы родился в черте оседлости под Могилевом в 1908 году. Даже в свои шестнадцать он не умел читать по-русски. В 1924 он приехал в Ленинград с великой надеждой получить работу – любую работу. Так случилось, что он познакомился с двоюродным братом моей бабушки, который работал директором маленькой верфи. Его младший брат был похоронен на Марсовом поле как Герой Революции, поэтому у этого директора, наверное, были какие-то связи. А может быть, никаких связей и не было, потому что его старший брат, который позже стал крестным отцом на моих крестинах, работал официантом в маленькой столовой на Невском.

Этот директор полюбил моего отца, принял его к себе на работу и ввел его в свою семью. Мой отец был определенно талантливым человеком, потому что за следующие десять лет он овладел шестью европейскими языками (не считая русского) и закончил институт по истории искусств. Скоро он сделался ответственным работником, которому Советская Власть предоставила автомобиль с шофером – в те дни Советская Власть еще допускал евреев практически на все ключевые посты. Он работал с иностранными делегациями.

Когда в 1934 моя мама приехала в Ленинград изучать иностранные языки, директор верфи познакомил ее с моим отцом. В 1935 они поженились, хотя родители моего отца возражали против этого брака и даже не приехали на свадьбу, наверное, потому что моя мама была русская. В следующем году я родился.

Мой отец любил мою маму, но бывал дома редко. Он часто ездил в командировки по разным европейским странам и из каждой командировки привозил моей маме дорогие подарки – драгоценности, одежду, хрусталь и фарфор. В то время мало людей выезжало за границу, поэтому иностранные вещи были редкостью.

Летом 1936 мои родители и я жили у моего деда. Было подозрение, что у отца начинается туберкулез, и мой дед лечил его, используя народные средства – мед, растопленный с собачьим салом. Должно быть, эти средства помогли моему отцу, потому что впоследствии он никогда не жаловался на его легкие.

Там были какие-то особенные груши, в саду моего деда. Они были похожи на желтые граменные стаканы. Через них можно было видеть небо и солнце. Они были очень сладкие и сочные и, падая на землю, расплескивались в маленькие ароматные лужицы. Большая ветвь с этими грушами входила прямо в окно спальни моих родителей, и отец шутил, что они живут подобно Адаму и Еве в раю.

Он принял расстрел моего деда очень близко к сердцу, сделался мрачный и задумчивый, а потом отослал мою маму на семь дней в какой-то дом отдыха.

Когда моя мама вернулась из этого дома отдыха, отца не было в квартире, а на столе лежала газета с типичным для того времени объявлением. Я не сохранил газету, поэтому приведу это объявление по памяти. «Я (моего отца фамилия, имя, отчество) прошу считать мой брак с дочерью Врага Народа (имя, отчество и девичья фамилия моей мамы) недействительным. Обязуюсь не иметь никаких сношений с вышеупомянутой дочерью Врага Народа и ее семьей».

Это был способ развода, специально разработанный Советской Властью для подобных случаев. В то время тысячи людей стояли в очереди, чтобы дать подобные объявления, поэтому моему отцу, наверное, пришлось как следует поработать, чтобы успеть опубликовать его к нужному времени, до возвращения моей мамы.

Кроме того, все подарки, которые отец привозил моей маме, исчезли.

Неплохое название для книги

Насколько я знаю, один из друзей Пушкина, аристократ, философ и англоман, Петр Чаадаев, был первым официально признанным русским инакомыслящим. Он сказал о России, что временами Бог создает некоторые народы с единственной целью – показать всем другим народам – как не надо жить.

Русский царь Николай понимал всех. Он понимал Западников, которые во имя России настаивали на ее сближении с Западом, и он понимал Восточников, которые во имя России требовали ее изоляции от Запада. Он понимал Северное крыло Декабристов, которые во имя России хотели, чтобы он убрался прочь, и он понимал Южное крыло Декабристов, которые во имя России хотели, чтобы он умер задолго до назначенного срока.

Только Петра Чаадаева, который захотел, чтобы во имя всего остального человечества Россия как можно скорее заросла чертополохом и исчезла с лица Земли, он не мог понять.

Николай был гуманист – он не расстрелял Чаадаева и не оставил его гнить в сибирских рудниках. Он только объявил Петра Чаадаева сумасшедшим и посадил его под домашний арест. Тем не менее, его книги не издавались ни при царе, ни, до недавнего времени, при Советской Власти.

Я люблю небо и землю моей Родины и не верю, что она проклята Богом. Однако временами мне хочется крикнуть:

– Люди! Если вы действительно хотите понять Россию, вы должны читать не только Толстого и Достоевского, но и Чаадаева тоже!

К 1937 коммунисты стояли у руля не более чем двадцать лет, и я не думаю, чтобы они смогли развратить так много народа за такой короткий срок. Если бы я писал научную, незаинтересованную книгу по России того времени, я бы назвал ее «История Всеобщего Бесчестья». Впрочем, сегодняшняя Россия только открыла бы новую главу в этой книге

К сожалению, Борхес уже использовал это название.

Пока не забыл, хочу сказать...

Я не могу назвать имена всех людей, которые помогли мне написать эту книгу – каждый, кто хоть раз коснулся меня рукавом, сделал это. Целый город этих людей окружает меня.

Раскроется город, как будто прекрасная роза,
уставшая жить, дотянувшая зря до мороза,
и розой петлицу украсит плешивый и пылкий
поэт, разорвавшийся между тюрьмой и бутылкой.

И три поколения, три лепестка отлетят —
останутся в городе дети и внуки блондинов:
брюнеты, как бабочки, в ласковом танце сгорят,
порхая вокруг золотого огня Палестины...

Лишь тихая моль – середина полночного сна —
сведет наши тени, чтоб в сонные воды взглядевшись,
увидели мы, как исчезнет большая страна...
Засим отпускаеши... или же Камо Грядеши?

В этом городе есть свой Гарлем, узкие и темные переулки, куда лучше не соваться случайному прохожему, но все равно жизнерадостные собаки моего детства собрали всю пыль с этих бедных улиц и щедро украсили ей всю мою жизнь.

Там есть сады, солнечные навеки, где прекрасные женщины с лукавой улыбкой идут по дорожкам навстречу мне, и белогрудые касатки выпрыгивают из своих бассейнов, салютуя им.

И, конечно, моя жена Галина разбросана в этом городе повсюду, здесь и там, словно синее небо в грибной дождь, и мои родители, немножко вразной, но все-таки вытянувшие высокую ноту в оркестре Жизни, и мои дети, и – на перекрестке шлягера и гимна – вся Россия и кусочек Англии.

Три сумасшедших и собака

Все люди юга имеют вспыльчивый темперамент. Когда дочь известной грузинской княгини влюбилась в какого-то серба и убежала с ним из дома, ее мать – княгиня прокляла ее и отказалась читать ее письма. Дочь с ее другом вскоре погибли

где-то на Балканах, а их троих маленьких сыновей кто-то привез старой княгине, их бабушке. После революции княгиня и ее три внука оказались в Ленинграде. В 1937 княгине было семьдесят восемь и ее старшему внуку было двадцать два. Его звали Олег.

В то время моя бабушка со своей семьей тоже переехала в Ленинград – здесь было проще начать новую жизнь после расстрела мужа. У нее на руках были три дочери, сын и внук, и ей было пятьдесят два.

Так случилось, что Олег и одна из бабушкиных дочерей (ее звали Ольга) встретились и полюбили друг друга, но Олег не спешил с браком – в конце концов, они были еще молоды, и у них не было ни денег, ни квартиры, ни будущего вообще!

Моя семья хранила дедушкину историю в секрете, но после развода моего отца Ольга не смогла держаться и рассказала Олегу все. Она заплакала и сказала, что теперь он тоже должен бросить ее. Ей было двадцать. Олег был достаточно грубый молодой человек – он ударил ее по лицу и спросил, как она смеет держать его за ублюдка? Через два дня они поженились.

Моя семья часто ходила в гости к ним. Я хорошо помню их дом. Он стоял на окраине Ленинграда, в излучине Невы. Большие баржи, груженные лесом, то и дело проходили прямо под его окнами, и в доме можно было почувствовать сразу четыре запаха – холодной глубокой реки, смолы, разогретой солнцем, полированного паркета и большой, ухоженной собаки.

Я помню старую княгиню. К тому времени она окончательно впала в детство. Она всегда держала в руках Библию и показывала каждому страницу, на которой было написано, что Бог поставил ее выше всех остальных людей и поэтому мы должны мыть ей ноги и потом пить эту воду.

Кроме нее, на чердаке жил второй сумасшедший, который, так сказать, уравнивал этот дом. Это был человек с перевернутым лицом – совершенно лысый, но с густой черной бородой. Он пел песни на каких-то странных языках, и иногда его большая собака присоединялась к нему. Олег и Ольга говорили, что он выдумывает все эти языки – на самом деле их не существует. Они любили его и жалели, что у него тараканы в голове, и я боялся этих тараканов.

Однажды я слышал, как он и старая княгиня спорили о Боге. Он говорил ей, что Бог есть все и все есть Бог, поэтому старая княгиня, он сам, и его собака есть абсолютно одна и та же вещь. И более того, он сам есть все, включая Бога, его собственную собаку и старую княгиню. Но, говоря по совести, на самом деле нет ничего – ни его самого, ни старой княгини, ни его собаки, ни даже Бога тем более!

Я долго думал над его словами, и сам был близок к сумасшествию. Мне казалось, что любая вещь, которую я вижу, становится частью меня, переполняя и раздувая меня. Я распространялся в пространстве и скоро должен был расширяться, словно круг от камня, брошенного в воду, и исчезнуть.

Мне было четыре, и я знаю, что это действительно было мое самое раннее воспоминание, потому что в самом начале войны, в сентябре 1941, когда мне было пять, немцы разбомбили этот дом, и он стал невидимым вместе с его полированным паркетом, огромной овчаркой по имени «Дружок» и стареющей княгиней, любительницей Ветхого Завета.

Единственное, что не унеслось ветром, был дзенский чудака с чердака. Немцы стерли с лица Земли его дом и уничтожили плоды его многолетней работы, но они не смогли убить его

самого, поэтому, назло им, он стал известным академиком, великим знатоком древнерусской литературы.

Долгожданный праздник

Моя мама обычно уходила на работу рано утром и возвращалась поздно вечером. Она работала почти каждую субботу и воскресенье, и я почти не видел ее. Поэтому я был в восторге, когда однажды она сказала, что в следующий выходной мы поедем в Петергоф – прекрасное место под Ленинградом. Естественно, я не мог дождаться этого дня. И этот день настал. Погода была удивительной. Моя бабушка, мама и я были счастливы – мы так редко покидали нашу квартиру.

До Петергофа мы добирались пароходом почти два часа. Небо было синее, и море было зеленое, и чайки кружили вокруг нас. Они делали все, что они хотели, и в первый раз в моей жизни я ощутил счастье от чьей-то, чужой свободы – на самом деле там было целых две свободы: малая трехмерная свобода птиц не мешала огромной, неизмеримой свободе неба, в котором эти чайки не оставляли никакого следа. Если бы я мог выбирать, я хотел бы стать небом.

Иногда чайки, устанавливая крылья вертикально, падали вниз, тогда они были похожи на бомбардировщики, которые я видел в кино. На палубе было много людей – в основном, девушки и молодые солдаты. Они пели и танцевали.

Петергоф оказался фантастическим местом! Там были дворцы русских царей – их летняя резиденция. Лучшие архитекторы Европы построили эти дворцы, и разбили прекрасные сады, и соорудили удивительные фонтаны, похожие на версальские, но гораздо, гораздо богаче, потому что русские цари были богатейшими людьми в мире.

Каждая комната в этих дворцах выглядела, как сказочная страна, и знаменитый золотой фонтан «Самсон, раздирающий львиную пасть» бил выше солнца, и моя мама была рядом со мной. Это был действительно счастливый день!

Вдруг все люди схватили своих детей и побежали куда-то. Мои мама и бабушка сделали то же самое. Мы прибежали на какую-то площадь, она была переполнена народом. Все молчали, говорил только большой черный громкоговоритель. Голос, который шел оттуда, ужасно заикался, и мне казалось смешным, что такая большая толпа так внимательно слушает этого заику. Я сам заикался и понимал – как скучно слушать меня любому нормальному человеку.

Когда громкоговоритель замолчал, я спросил маму – кто говорил оттуда и что случилось. Мама сказала, что Министр Молотов объявил о том, что Германия начала войну с нами. Мне было пять лет, и это было 22 июня 1941 года.

Позже пошли слухи, что Молотов держал речь перед всеми советскими людьми, потому что Сталин был так потрясен войной, что спрятался куда-то и его три дня не могли найти. Если это правда, я его вполне понимаю – единственный человек, которому он доверял – Гитлер – устроил ему такую подлянку.

Очень скоро фашисты захватили Петергоф. Почти все ценные вещи были вывезены в Германию. В знаменитых дворцах были устроены конюшни и казармы. Солдаты и лошади мочились на узорчатые полы. Петергоф был разрушен до основания.

После войны Петергоф был восстановлен, но я никогда больше не был там после этого долгожданного дня. И не собираюсь.

Час истины

Его звали Николай. Он родился в Республике немцев Поволжья – была такая маленькая административная единица в СССР. Сталин подозревал этих людей в симпатиях Гитлеру, поэтому он расформировал эту Республику и переселил ее жителей в Казахстан.

Николай улучшил свою немецкую фамилию добавлением русского окончания «ов». Этим простым способом он избежал репрессий и остался полноправным советским гражданином. На второй день войны он был мобилизован как танковый офицер и получил свою форму и личное оружие.

Он любил младшую дочь моей бабушки, которая к тому времени закончила текстильный техникум и работала далеко от Ленинграда. Несмотря на то, что она была скорее равнодушна к нему, ему нравилась вся наша семья, и за четыре часа до отправки к месту назначения он забежал к нам попрощаться с моей мамой и бабушкой.

Кроме того, он принес свою диссертацию по химии. Чтобы закончить ее, он работал над ней три последние ночи. Может быть, сказал он, наша семья постарается сохранить эту диссертацию. На самом деле, он сказал, это не имеет значения – сохраним мы ее или нет. В любом случае, он совершенно одинокий человек и у него нет другого места, куда ее отнести.

Моя мама была на работе, но моя бабушка обняла его и сказала, что, конечно, они сохранят ее, если только они выживут. Потом она предложила ему немного отдохнуть. Он снял сапоги, отстегнул портупею с кобурой, повесил ее на стул, лег на диван и сразу же захрапел. Моя бабушка велела мне не шуметь в комнате, а еще лучше идти во двор, а сама она ушла на кухню. Этот двор соединял две шумные улицы, там всегда было много женщин и детей, поэтому наши родители не боялись каких-нибудь несчастных случаев.

Я был нормальный ребенок, подобный всем другим, понимал, что моя мама и бабушка тяжело работают, и старался не причинять им особых хлопот. Но на этот раз все выглядело, как будто кто-то управлял мною. Я одел фуражку Николая на свою голову, взял его портупею с пистолетом, вышел из квартиры и начал спускаться по лестнице. Фуражка то и дело соскальзывала мне на глаза, портупея с пистолетом была очень тяжелая и неудобная, и я обливался потом. Вдобавок, я начал сознавать, что против моего желания, я делаю что-то абсолютно недопустимое. Мне казалось, что я сплю и вижу сон.

Я вышел из парадной. Большой парень, лет пятнадцати, которого я никогда не видел раньше, подошел ко мне.

– Ну и обалденная фуражка у тебя, где ты ее взял? – спросил он.

Мой сон должен был продолжаться, поэтому я сказал ему, что это моего отца фуражка.

– Он позволяет тебе играть с ней, скажешь, нет?

– Конечно!

– Зуб даю, он разрешит тебе дать ее кому-нибудь другому поиграть!

– Запросто! – Я уже понимал, что сейчас произойдет что-то непоправимое, но я все равно снял фуражку с моей головы и дал ее ему. Он взял фуражку, но не спешил уходить.

– Как насчет пистоля?

Я не боялся его, это было совершенно другое чувство. Я спокойно отдал ему портупею и вздохнул с облегчением. Это было все!

– Я верну все через час. Какая у тебя квартира?

Я сказал ему. Он свистнул и побежал через двор на главную улицу. В это время открылось наше окно на пятом этаже и бабушка странным голосом потребовала, чтобы я немедленно шел домой. С легким сердцем я стал подниматься по лестнице – мой сон продолжался.

Они ждали меня...

– Где пистолет? – Про фуражку Николай даже не вспомнил.

Я рассказал им все. Как раз в этот момент пришла моя мама. Они схватили меня, и мы побежали искать этого парня. Естественно, его и след простыл. Мы вернулись в квартиру и сидели молча.

– Что будет? – спросила моя бабушка.

– Ничего, кроме похоронной команды, – ответил Николай. – Или штрафной батальон – это хуже. Мне нужно написать кой-какие письма. – Он сел за стол, обхватив голову руками. Никто не глядел на меня.

– Что вы расстраиваетесь! – я сказал. – Разве он не обещал вернуть все через час? Сколько прошло?

Я был совершенно спокоен, потому что это был час истины, и кто-то, управляющий мной, ясно видел, что все кончится хорошо. Никто из людей, сидящих в этой комнате, не умрет насильственной смертью, Николай вернется с войны инвалидом, защитит диссертацию и женится на моей тете. Этот кто-то знал много других вещей, но никто не спрашивал о них, поэтому он молчал.

Когда раздался звонок и я услышал голос того парня, я скорее был опечален, потому что понимал – этот невостребованный кто-то покидает меня навсегда и никогда больше не вернется.

Сейчас я часто думаю о могуществе этого кого-то, который наверняка приходил не только ко мне, но и к другим детям тоже, и я стараюсь не винить детей за их неожиданные сумасбродные поступки, хотя это плохо получается у меня, впрочем, как и у любого другого выросшего.

Рука большая и рука маленькая

– Присядем на минутку перед дальней дорогой! – сказала моя бабушка, и четверо из нас присели на наши чемоданы, а огромная собака присела на свои задние лапы. Олег с его братьями уже был на фронте, Ольга с ее ребенком были эвакуирована в Новосибирск, поэтому никто кроме странного человека с чердака и его собаки не пришел провожать нас на поезд.

Это было достаточно трудно – уехать из Ленинграда. Немцы были рядом, и каждый человек хотел как можно скорее отправить своих детей и стариков как можно дальше. Однако Советская Власть придумала свой план, который предусматривал эвакуацию только полезных людей и заводов. Все остальные были оставлены на произвол судьбы. Вдобавок, никто не знал заранее – полезный он человек или нет. Этот план был «совершенно секретный», поэтому вы внезапно узнавали, что должны эвакуироваться завтра. Железнодорожные билеты выдавались мобилизационными комитетами и было невозможно покинуть Ленинград диким путем – без разрешения.

Мой отец как ответственный работник получил одно воздушное место и отправил свою сестру с ее ребенком. Моя мама не рассчитывала ни на что, но вдруг появился шанс отправить меня с каким-то специально организованным поездом для детдомовских детей. И более того – мою бабушку приняли в этот поезд уборщицей.

Минута прошла. Взрослые встали, но я остался сидеть на чемодане – я был ленивый из-за жаркой погоды. Я сидел, ни о чем не думая, и голоса взрослых доносились до меня, как будто издалека.

– Мы покидаем тебя, Володя. Постарайся выжить! – сказала моя бабушка.

– Кто смотрит на мир как на пузырь, как на мираж, того не видит Бог Смерти, – сказал лысый человек и засмеялся. И его огромная собака тоже засмеялась, вывалив язык. Она никогда раньше не обращала на меня внимания, но сейчас она опустила свою тяжелую лапу на мое колено, и приблизила свои страшные клыки к моим губам, поливая мое лицо своим горячим дыханием.

Что-то взорвалось во мне. Белое холодное пламя вспыхнуло перед моими глазами, и я исчез, вернее, превратился в это обжигающее клыкастое чудовище, и оно стало мною, или, по крайней мере, моим настоящим отцом. Все вокруг, любая вещь была живой и прекрасной и любила меня так же, как я любил все. Я не мог понять, где граница между мной и любой вещью. Я не был больше один в этом громадном и неправильном мире. Я зарыдал от острого, невыносимого чувства – счастья без предела... И тогда взрослые схватили меня.

Эти слезы были моими первыми слезами, которые я помню – вероятно, до этого я не плакал по-настоящему. Моя мама и бабушка решили, что я до смерти испугался собаки. Они принялись успокаивать меня, только лысый человек молчал и не двигался – теперь я думаю, он понимал, что случилось со мной.

Я рыдал и рыдал. К тому времени объявили посадку, и мы с бабушкой ринулись занимать места – любые места, потому что билеты были не нумерованы. Кое-как мы втиснулись в вагон и поезд тронулся.

Этот поезд шел специально медленно, чтобы немцы могли видеть красные кресты, нарисованные на крышах вагонов – иллюзорная надежда в мире, где уже состоялись или планировались «Лузитания», и Герника, и Ковентри, и Гитлер уже сказал немецким солдатам свои знаменитые слова: «Я освобождаю вас от химеры, которая называется совестью».

В те дни русские самолетостроители еще сидели в тюрьмах, а у немцев были лучшие в мире бомбардировщики, поэтому им ничего не стоило поразить наш поезд. Первая бомба попала через два вагона от нас...

Я только помню огромное зеленое поле. Там был теплый ветер и непрерывный гром вокруг нас. В этом гrome и ветре летела великая туча одуванчиков. Никогда не видел их столько! Кроме них там была рука в поле, ладонью вверх, и мне казалось, что именно эта рука посылает одуванчики куда-то. Рука была такая маленькая, как моя собственная, и мне захотелось примерить ее на себя, но бабушка закричала на меня, и мы побежали дальше. Одуванчики летели и летели, и я почувствовал, что я – такой же одуванчик и чья-то громадная рука посылает меня куда-то тоже. Мне было все равно куда лететь, главное – оставаться пушистым и легким. Я верил, что останусь таким навсегда, поэтому я смеялся, и моя бабушка смотрела на меня в страхе...

Я помню лошадь и телегу. Я любил лошадь, и она любила меня и часто оборачивалась, чтобы взглянуть на меня, и мы благополучно прибыли домой.

После этого моя мама сначала сильно беспокоилась из-за моей шутовской головы, потому что половина моих волос стала седой. Но скоро выяснилось, что беспокоилась она зря – скоро вся моя голова стала одного цвета, седая. Мальчишки во дворе прозвали меня «одуванчик».

Спор на американку

– Что это у тебя? – моя мама провела пальцем по моей груди. – Как ты это сделал? Зачем?

– Зачем... – откликнулся я, словно эхо, но без ее вопросительной интонации. Мне было пять и с недавнего времени мне стало нравиться повторять последние слова собеседника. Иногда, когда я делал это, они приобретали свой смысл, эти пустые слова, становясь частью моей жизни, подобно шуму дождя или стрекотанию кузнечика. Тогда мне было легко и приятно, не думая ни о чем, исчезать из этого трудного, неправильного мира, превращаясь во все, растекаясь повсюду, словно небо или вода. Но все равно мне всегда чего-то недоставало для того, чтобы исчезнуть навсегда.

– Я говорю – что это у тебя? – уже раздраженно спросила моя мама снова. – Посмотри на себя в зеркало!

Я не верил зеркалам и боялся смотреть в них. Почему взрослые решили, что какой-то мальчик, нарисованный этой блестящей холодной доской, всегда одинаковый, есть я? Я совсем не он, ничуть! Я всегда разный! Я хорошо помнил, как я был огромной прекрасной собакой с белыми клыками, холодным носом и обжигающим дыханием. Я хорошо помнил, как я был одуванчиком. Если зеркало действительно показывает меня, то там должен быть этот веселый полет в громе и ветре! Где он? Почему его нет в зеркале? Я был лошадью, и в то же самое время я был мухами над ней, и мягкой, пыльной дорогой, и кнутом – тоже... И этот дядька в булочной... Я стеснялся смотреть в лицо взрослым, но он, доставая из кармана деньги, выронил ключи, я поднял их, подал ему, мы с ним встретились глазами – и я потерялся, не смог сказать, где я, а где он... И цветы в букете... Иногда я становился цветком среди них, тогда я много узнавал про моих соседей – иные из них мне нравились, а другие – нет...

И это стекло... Час назад мы клеили кресты на оконные стекла. Вчера к нам зашел дворник и сказал, что Советская Власть велела вырезать из газет широкие косые кресты и наклеить их на окна. Тогда при бомбежке эти кресты, может быть, удержат на себе осколки стекла, и стекла не разлетятся по комнате и не поранят нас.

Мама была на работе, а мы с бабушкой клеили эти кресты, и я стал стеклом – это никогда не зависело от меня, кем я вдруг становлюсь. Я был прозрачный и благодарный, потому что меня любили и заботились обо мне. Внутри меня было две трещины, и я показывал бабушке, куда лучше наклеить кресты, так чтобы они скрепили эти трещины, но она не поверила мне и наклеила их совершенно в другое место...

Я подошел к зеркалу. На моей груди от плечей до живота явственно белел этот широкий косой крест.

– Я был стеклом, – сказал я маме. – Вот крест и остался на мне.

– О господи, – сказала моя мама. – Этого нам только не хватало...

Назавтра во дворе ко мне подошла эта девочка. Она жила в квартире под нами, и ей тоже было лет пять или шесть.

Когда я смотрел на нее, мне казалось, что если бы я смог слиться с ней, стать с ней одним неразличимым целым, я наконец исчез бы навсегда и что-то очень хорошее случилось бы с нами обоими и с целым миром. Но я понимал, что этого никогда не будет.

– Спорим на американку! – сказала она мне. – Я уже у всех мальчиков во дворе выиграла американку! Ты тоже будешь моим рабом!

Это был серьезный спор – проигравший должен был исполнить двадцать четыре желания выигравшего, по сути становился его рабом.

– Рабом! – согласился я.

Мы взялись за руки и вместе потрясли их. Спор был юридически оформлен. Что-то ушло из окружающего нас воздуха, мне стало скучно.

– А на что мы будем спорить? – спросил я почти равнодушно.

– Что ты не прыгнешь с крыши, – сказала она.

– С крыши... – повторил я.

– Вот я и выиграла! – закричала она. – Я у всех выигрываю!

– Где ты хочешь стоять, когда я буду прыгать? – спросил я ее. – Наверху или внизу?

Она вытаращила глаза.

– Не знаю... Я никогда не думала... Наверху. Оттуда лучше видно, – сказала она.

– Тогда пойдем со мной на чердак, – сказал я, еще не зная – прыгну я или нет.

Я часто бывал на этом чердаке, помогая бабушке развешивать и снимать белье после стирки. Вот и сегодня бабушка попросила меня снять мои трусы и рубашки, и сейчас ключ от чердака висел на моем ремне.

Мы с ней поднялись на восьмой этаж, и тяжелая железная дверь, не скрипнув, закрылась за нами. На дворе солнце было повсюду, и мы как бы не замечали его, а здесь оно било из узких окон, и сухая пыль неподвижно висела в его слепящих лучах.

«Когда я прыгну, я стану пылинкой и никогда не упаду вниз», – подумал я.

Она, всегда веселая во дворе, здесь притихла и выглядела испуганно. Я никогда не видел ее такой.

Везде стояли бочки с песком и когда мы переходили из тени в свет, лопаты рядом с этими бочками покачивались, будто живые – взрослые готовились тушить немецкие зажигательные бомбы.

– Я не хочу идти дальше, я хочу вниз, – сказала она.

– Потерпи, – ответил я. – Осталось недолго.

Она заплакала.

Мы стояли возле слухового окна. Рамы были закрыты на замок, я поднял валявшийся кирпич и разбил стекла, подложил несколько кирпичей под ноги и вылез на крышу.

После трудностей с окном было очень легко идти по этой крыше, почти плоской, вокруг были только я и небо и небывалый восторг охватил меня. Я совсем забыл об этой девочке.

Дойдя до перил, я заглянул вниз, засмеялся и стал перелезать через перила. Я спешил прыгнуть, чтобы стать легким и танцующим, словно пылинка, в этом пустом и свободном мире и остаться таким навсегда. Но перила были слишком высокие для меня, и перелезть через них было трудно.

Наконец я перелез через эти перила и шагнул к краю. Мне оставалось еще три или четыре шага, и теперь я не спешил их сделать, чтобы насладиться этой минутой сполна.

Вдруг кто-то схватил меня сзади за штаны и поднял на воздух. Я полетел спиной вперед обратно через перила. Мои штаны разорвались, и я упал к ногам этого кого-то. Это был отец девочки.

Не видя людей долгое время, я уже забыл, как они выглядят, поэтому его вид показался мне странным и смехотворным – всклокоченные волосы и потный лоб и трясущиеся как будто от жадности руки.

Собственно говоря, этот рассказ лучше было бы закончить гораздо раньше, или может быть не писать его вовсе. Я только смею сказать, что эта пустота и небо вокруг меня были самым ярким воспоминанием во всей моей жизни, нескладной и, как я понимаю все больше и больше, во многом выдуманной неизвестно кем.

Вот так Обед

Нет сомнения, что Гитлер был сумасшедший с размахом. В Праге он организовал «Музей Истории Вымершего народа». По приказу Гитлера там собирались еврейские вещи, которые могли бы представлять интерес для будущих этнографов. Для России он приготовил другое впечатляющее зрелище – наводнение, которое сотрет Ленинград с лица земли. Под музыку Вагнера огромный город погрузится на дно морское и останется там навсегда, подобно затонувшим городам Атлантиды. Но сначала Гитлер должен был убить несколько миллионов жителей этого города. Для этого он окружил Ленинград своими войсками и прекратил поступление туда продовольствия. Так началась Ленинградская Блокада, которая продолжалась девятьсот дней.

В течение этих девятисот дней одни люди умирали от голода в любое время, а другие замерзали от холода зимой, и все они видели, как умирают их дети, и в конце концов смерть ожидалась ими как лучший друг. Я надеюсь, что в моих следующих жизнях я никогда не увижу ничего подобного. Я даже не знаю – разрешено ли кому-нибудь вспоминать такие вещи, но, в конце концов, прошлое есть не более чем прошлое, поэтому в этой книге есть несколько рассказов об этом.

В те дни наука старалась помогать людям. В Ленинграде была напечатана специальная книжечка «Как Прокормиться в Исключительных Условиях», но даже люди, которые не читали эту книгу, ели практически все.

Особым успехом пользовался столярный клей. Если вы долго кипятили его, он превращался в желе рвотного запаха и вкуса – как я мог бы сказать сегодня – но в ту пору он был съедобным, поэтому люди, находившие его, считались счастливыми.

Мне было шесть. Я всегда хотел есть и не верил, что еда кончилась. Мне казалось, что моя мама и бабушка нарочно прячут еду от меня, чтобы наказать меня за плохое поведение. Поэтому я постоянно искал еду везде и спрашивал их все время – что я сделал плохого в этот раз.

Однажды моя бабушка принесла домой огромную, чем-то набитую сумку. Она вынула оттуда две плитки столярного клея и спрятала эту сумку в кухонный шкаф. Потом она поставила клей кипятиться. Это было прекрасно, потому что я, как обычно, хотел есть.

Почуввав запах клея, наша соседка вышла на кухню. Была уже середина блокады, и люди стали бесчувственными от голода, почти не делясь едой друг с другом, но моя семья иногда помогала нашей соседке, бывшей графине, которая когда-то сводила петербургских мужчин с ума своей красотой.

В это раз моя бабушка промолчала, и соседка, вздохнув, вернулась в свою комнату, а моя бабушка пошла в нашу комнату по коридору. Этот коридор был очень длинный, поэтому у меня было время до бабушкиного возвращения, и я сразу полез в шкаф – посмотреть, что за еда была в сумке. Вместо еды я обнаружил какие-то деревянные предметы – грубые и различных, странных форм.

Когда моя бабушка вернулась, я спросил ее – когда же мы будем есть клей и что за еда у нее в сумке. Этот клей не для еды, сказала она, и никакой еды в сумке нет. Я стал несчастный и не понимал, как это может быть – такой прекрасный клей и не для еды! Я подумал, что моя бабушка опять дурачит меня и сказал ей об этом. Я увидел слезы в ее глазах.

Потом моя мама пришла с какой-то едой. Мы поужинали и легли спать. Утром я забыл про эти странные деревянные предметы. Из-за постоянного голода мы, все из нас, жили как во сне, с плохой памятью.

Много позже я узнал, что моя бабушка работала дома, потому что не хотела оставлять меня одного. Она делала корпуса для специальных мин заграждения. Эти корпуса должны

были быть деревянными, чтобы немецкие саперы не могли бы обнаружить их своими миноискателями. Моя бабушка получала все материалы и детали по нормам и должна была отчитываться за каждый грамм клея. Эта работа была секретной, поэтому она не говорила никому о ней и работала только по ночам.

Сейчас я абсолютно уверен, что если бы только Гитлер, еще в двадцатые, мог видеть мою бабушку, секретно, ночью, делающую эти мины, он бы сразу понял, что его дело совершенно безнадежно, и не стал бы дожидаться для самоубийства своего шикарного бункера, а повесился бы в какой-нибудь пивной, прямо над головами восторженных поклонников его великого таланта.

Белый пар на голубом фоне

Во время Блокады самая выгодная работа была у дворников, потому что Правительство доверило им вести учет трупов в домах, которые они обслуживали. Они регулярно ходили от двери к двери и считали мертвецов. На тот случай, если никто не откроет им дверь, у них были ключи от каждой квартиры.

Появилось много квартир, где все жители умерли. Кто угодно мог зайти в такую квартиру и взять все, что он захочет. Собственно говоря, это трудно было рассматривать как воровство, потому что в этих квартирах вещи выглядели, словно грибы в лесу – они были ничьи. Дворники находили эти полезные квартиры раньше других людей, поэтому они становились богачами. Конечно, не все дворники поступали так. Были дворники, которые сдавали вещи государству.

Но для баланса были и такие дворники, которые убивали своих полуживых подопечных, чтобы как можно скорее завладеть их вещами.

Во всяком случае, черный рынок процветал. Вы могли там, для примера, обменять ваше обручальное кольцо на полбуханки хлеба. Мясные котлеты стоили меньше, чем хлеб, но моя бабушка, которая иногда пользовалась черным рынком, никогда не приносила мясные котлеты, и я удивлялся этому.

Тот декабрьский день был очень солнечный, но такой холодный, что плевок превращался в ледышку еще в воздухе. Эта ледышка каждый раз падала на землю с новым звоном. Мне нравились эти звуки, и я часто сплевывал, хотя мой рот был постоянно сухой из-за голода.

Моя бабушка и я шли за водой. Ни водопровод, ни канализация не работали, поэтому это было трудно – достать хорошей воды. Мы брали ее из реки Фонтанка, недалеко от нашего дома. В ту же самую реку, только ниже по течению, люди бросали свои экскременты. Когда-то Фонтанка была прекрасным местом. Русские цари обнесли ее гранитом, вдоль нее стояли прекрасные дворцы, и люди приходили туда отмечать праздники. Сейчас вы чувствовали запах этой реки за полкилометра.

Был очень солнечный день. Солнце буквально слепило меня, но несмотря на это я мог видеть мужчин и женщин, лежащих на земле. Мне было шесть, и я понимал, что эти люди уже умерли или должны скоро умереть, и я глядел на них без особого интереса. Большинство из них не двигалось, однако один мужчина еще шевелился.

Было очень трудно набрать воды, потому что полынья то и дело замерзала, и около нее там скопилось много народа. Наконец моя бабушка наполнила ее ведро и мой чайник, и мы направились домой.

Мужчина, о котором я говорил, еще был на своем месте, но он уже не шевелился. Он лежал лицом вниз, его ягодицы были вырезаны. Там не было крови, только белый пар красиво поднимался в голубое небо. В этот момент я понял, почему моя бабушка никогда не приносила мясных котлет с черного рынка.

Зрелище было прекрасное, глаз не отвести – белый пар на голубом фоне, но моя бабушка упала и пролила воду, которую мы набрали с таким трудом. Она лежала совершенно неподвижно. Я подумал, что она умерла, и пошел искать дворника, чтобы не оставлять ее на улице, а похоронить в земле.

Нагоняй ни за что

В детстве я был счастливчик – водил тесную дружбу с двумя аристократками. Я уже рассказывал об одной из них, грузинской княгине. Вторая благородная персона голубых кровей была наша соседка, бывшая графиня. В те дни мы имели шикарную квартиру. Там были три комнаты, и ванная, и кухня, и очень длинный коридор, по которому я обычно катался на трехколесном велосипеде. Мы с моей мамой и бабушкой занимали две комнаты, графиня располагалась в третьей. Когда-то, в свою лучшую пору, она была прекрасна. К тому времени, о котором я говорю, ей было пятьдесят, и я помню, у нее были черные волосы и черные жгучие глаза, как у цыганки.

Моей маме было двадцать семь, и она дружила с графиней. Мама когда-то мечтала знать иностранные языки и изучала французский в институте, но как дочь Врага Народа она была исключена, поэтому графиня учила ее и меня французскому. Мы учили наизусть разные басни. Графиня говорила, что один Бог знает, кто написал эти басни – даже древние шумеры уже знали их, и они попали в Европу через античного грека Эзопа, во Францию – через Лафонтена, в Россию – через Крылова, и сейчас в мире существует больше ста вариантов этих басен, когда она думает об их странствиях, у нее голова идет кругом.

Я часто заходил к ней в комнату. Там было много книг и толстых журналов. Мы с ней отбирали какие-то из них для нашей печки – никто не знал, когда кончится блокада, и мы все должны были заботиться о тепле в квартире.

Моя мама тоже помогала нашей соседке. В те дни люди получали свою скудную еду по специальным продовольственным карточкам, и жизнь была достаточно простая – если вы теряли эти карточки, вы умирали от голода раньше остальных. Графиня боялась потерять свои карточки, поэтому моя мама держала их у себя и отоваривала вместо графини. Конечно, моя мама всегда отдавала ей всю полученную для нее еду.

Мы все мечтали о хлебе и сахаре больше чем о любой другой еде. Однажды моя мама принесла маленькую коробку соевых конфет. Это был великий праздник, и она угостила нашу соседку. После этого мы с мамой начали распределять, кого из наших знакомых мы еще угостим, а сколько конфет мы сами будем есть каждый день. Я не помню, почему мы сидели на кухне и почему эта коробка лежала в шкафу в нашей комнате, но я хорошо помню, как мы вернулись в комнату и увидели графиню, стоящую на стуле перед шкафом. Она держала в руках нашу коробку и яростно бросала конфеты себе в рот. Она была так занята, что не заметила нас.

Моя мама повернулась, чтобы уйти незамеченной, но я закричал и бросился к графине, сбив ее со стула, так что конфеты разлетелись по всей комнате.

Графиня смотрела на нас, как будто она только что очнулась от ночного кошмара. Она зарыдала и стала повторять одну фразу «Боже, о Боже, до чего я дошла!» Моя мама обняла ее и начала быстро – быстро что-то говорить ей по-французски, но графиня не слышала и не видела ничего и только повторяла и повторяла «Боже, о Боже, до чего я дошла!» Потом они обе покинули комнату.

Когда моя мама вернулась, она молчала, зато я продолжал плакать. Я кричал, что мы должны позвать милиционера, пусть Советская Власть убьет ее, как она убила ее отца и ее мать!

И тогда моя мама ударила меня по лицу.

Моя мама, она всегда была маленькая и слабая, и блокада сделала ее еще меньше и слабее, но она ударила меня изо всех ее сил, и я потом долго страдал от головной боли и старался понять, что я сделал плохого, чтобы заработать такой нагоняй.

Новогодняя ёлка во Дворце пионеров

Я не думаю, что Сталин особенно любил детей. Сейчас говорят, что Министерство Внутренних Дел в то время выпустило инструкцию, разрешающую пытаться детей с четырнадцати лет. Если это правда, то эта инструкция была одобрена Сталиным. Однако, он был великим политиком, поэтому он любил фотографироваться с детьми, показывая свою любовь и заботу о них. В каждом большом городе какие-то здания были отданы детям. Обычно они были большие и красивые, настоящие дворцы. В самые лучшие из них Советская Власть часто приводила официальные иностранные делегации, чтобы показать им счастливых детей нашей страны. Дети там были действительно счастливые – они абсолютно бесплатно занимались спортом, искусством или наукой. Любой ребенок, учащийся в городской школе, мог прийти туда, и в общем это было прекрасно! Как правило, иностранные делегации были удивлены тем, что они видели в этих дворцах, и жалели детей их собственных стран, потому что у них не было такого счастливых детства.

Советская Власть создала специальную детскую политическую организацию «Союз Юных Пионеров», примером для них служил мальчик Павлик Морозов. В гражданскую войну Советской Властью было нечем кормить рабочих и солдат, и она объявила монополию на хлеб. Вооруженные отряды отбирали хлеб у крестьян, обрекая их на голодную смерть, а крестьяне ловили бойцов этих отрядов, распарывали им живот и засыпали туда зерно. Отец Павлика, крестьянин, не сдал государству, а спрятал для своей семьи зерно, выращенное им. Павлик выдал Советской Властью своего отца и тот был расстрелян. Потом братья отца убили Павлика, и он сделался национальным героем.

В общем, я хочу сказать, что такие дворцы назывались Дворцы Юных Пионеров. Был такой Дворец и в Ленинграде.

Ленинград – самый красивый город России, поэтому он был один из немногих городов, куда Советская Власть впускала даже неорганизованных иностранных туристов. Можете себе представить, какой красивый был этот Дворец! Даже во время блокады некоторые дети занимались там и получали немного еды. Я жил недалеко от этого Дворца и привык гулять вокруг его ограды, но во Дворец меня не пускали, потому что я еще не ходил в школу. Я очень хотел попасть в этот Дворец.

Год подходил к концу, и Советская Власть собиралась устроить новогоднюю елку в этом Дворце. Я видел, как трактор протасил эту огромную елку через его ворота. Когда я сказал об этом моей маме, она подавила вздох.

Через три дня она пришла домой счастливая. Она посмотрела на меня загадочно и сказала, что у нее есть сюрприз для меня. Потом она вынула из своей сумочки какой-то клочок бумаги – билет на новогоднюю елку во Дворец Пионеров!

Она сказала мне, что там будет американский капитан. Мы должны показать ему, что Советские дети умеют себя хорошо вести, и тогда мы получим подарок. Мы не должны есть его. Кто не съест его, получит второй подарок в конце вечера. Кто съест его, тот не получит второго подарка. Моя мама будет ждать меня внизу, в холле.

Мне было шесть, и я запомнил все, что мне сказала моя мама. На следующий вечер я был во Дворце.

Дома было холодно, и мы привыкли пользоваться коптилками. В этом Дворце Пионеров было ослепляюще светло, и зал был теплый и чистый. На полу медленно вращалась новогодняя елка, и Он стоял около нее. Я увидел его и сразу понял, что он и есть американский капитан.

Я никогда не видел такого огромного человека! Он был, как слон, о котором я читал недавно. Я был удивлен, потому что он был черный. Я никогда не видел черных людей! Его

широченная грудь была усеяна неизвестными мне орденами. На одной его руке была черная перчатка.

Нас заставляли играть в разные игры, но у нас не было сил чтобы бегать или играть, поэтому мы просто ходили по залу. Снегурочка дала каждому из нас подарок – бумажный кулек с едой, потом начался концерт. Мы сидели теплые, и счастливые, и абсолютно тихие, надеясь получить второй подарок за наше хорошее поведение.

Он вместе с какими-то другими взрослыми сидел за столом на сцене перед нами и глядел на нас. Вдруг он зарыдал очень громко, не останавливаясь и не отводя нас глаз. Никто из взрослых не шевельнулся, чтобы помочь ему.

Я сидел во втором ряду и видел его хорошо. Он возвышался головой над всеми остальными, каждая его слеза была величиной с мой кулак, и его грудь ходила так широко, что из моего второго ряда я слышал звяканье его орденов.

Восемь постов для ловли шпионов

Нет сомнения, что ловля шпионов всегда была самым любимым занятием Советской Власти. Задолго до войны сотни людей были убиты ею как шпионы разных стран. Может быть, четверо или пятеро из них были настоящими шпионами.

В течение войны количество людей, которые ловили шпионов, еще больше выросло. Сталин уделял очень много своего внимания этим людям и даже лично придумал наименование этим частям – «Смерть Шпионам», по официальной советской аббревиатуре «СМЕРШ». Каждый боялся этих отрядов как огня и старался не попадать к ним в челюсти.

В Ленинграде тоже были эти охотники за шпионами. Немцы окружили Ленинград, и никто не мог попасть в него просто так. Поэтому каждый новый человек, которого они видели, рассматривался ими как шпион. Вы должны были доказывать им вашу невиновность, что часто становилось большой проблемой из-за постоянной путаницы в ваших документах.

В любом случае это было трудно – попасть в Ленинград, и почти невозможно – передать кому-нибудь посылку. Почта перебрасывала самолетами через линию фронта только тонкие письма, поэтому жители города почти не получали посылки.

Мой отец еще оставался ответственным работником и вспоминал нас иногда. Однажды он нарушил свою клятву не общаться с семьей Врага Народа и организовал посылку для нас – большой ящик зеленого кирпичного чая. Должно быть, он понимал, что у нас чай кончился. Моя бабушка пыталась обменять этот чай на что-нибудь съедобное на черном рынке, но желающих не нашлось. Мы ели этот чай кусочками, словно шоколад, и наша моча долго была зеленого цвета и чуточку светилась в темноте. Мы не получали больше никаких посылок и не надеялись ни на что.

Это был обычный вечер для того времени. Мы сидели на кухне – моя мама, моя бабушка и я. Графиня уже умерла. Ее комната пустовала, и мы гадали – кого Советская Власть подселит к нам в этот раз. На самом деле это не имело значения для нас, потому что мы понимали, что мы тоже скоро умрем. Честно говоря, нам было наплевать, кто будет наш следующий сосед, просто моя мама и бабушка пытались развеселить меня и часто играли в «Будущее» со мной – мечтали о нашей новой жизни после войны. Каждый из нас понимал, что это была только игра.

Вдруг в дверь позвонили. Все наши родные и друзья либо были на фронте, либо уже умерли, и мы не ожидали никого, поэтому моя мама пожалала плечами и пошла открывать дверь. Она не спросила, кто был за дверью, потому что у нас больше не было никаких ценных вещей. Она открыла дверь сразу.

Маленький человек с трудом протиснулся сквозь дверь – огромный рюкзак мешал ему. Станным гортанным голосом он спросил фамилию моей мамы и, удовлетворенный ее ответом, сказал, что он послан Олегом. Потом он подошел к столу, стащил с плеч рюкзак и поставил его на стол. Он развязал рюкзак, наклонил его, и оттуда посыпалось множество разных прекрасных вещей.

Мы как будто видели сон. На столе появлялись мясные консервы, и шпик, и куски сахара и какие-то маленькие пакетики. Мы смотрели, не отрывая глаз, как каждая новая вещь накрывает предыдущую, переворачивает ее и, в свою очередь, исчезает под следующей. Несколько бумажек вылетели из рюкзака.

Это было похоже на какую-то динамическую скульптуру, которую я увидел много позже.

Маленький мужчина зашвырнул за плечи теперь уже легкий рюкзак, поднял голову и посмотрел на нас. Его лицо было покрыто черными волосами и грязью, поэтому трудно было что-то увидеть на его лице. Однако я увидел, как оно дрогнуло. Он сказал что-то не по-русски, мгновенно очутился рядом со мной, поцеловал меня и исчез за дверью.

Среди бумажек мы нашли письмо от Олега. Он писал нам, что он жив и здоров, командует полковой разведкой и что один из лучших его разведчиков совершил подвиг, они попросили как награду для него однодневную командировку в Ленинград. Он получил эту награду. Они собрали немного еды и посылают ее нам.

Там было восемь других писем от совершенно незнакомых людей.

В те дни все жили впроголодь и никто не имел лишней еды. Эти ловцы шпионов – они проверяли этого маленького дага на восьми постах, и на каждом из них, когда они видели, что он несет еду в Ленинград, они подкладывали что-нибудь, что у них было, в его рюкзак – кто банку консервов, кто несколько кусков сахара, а кто только пару картофелин и щепотку соли, завернутую в старую газету.

Как Вы поживаете, Мистер Киплинг?

Война закончилась, и наши солдаты стали возвращаться домой. Они шли через разные места, включая, конечно, Ленинград. Несколько дней по нашим улицам проходили танки, самоходные орудия и бронетранспортеры с людьми, и вся наша одежда пропахла запахом бензина и солярки. Там было много смешных эпизодов. Я видел, как танкист спорил с водителем огромного грузовика «Студебейкер» – кто из них должен проехать первым. Наконец танкист нашел неопровержимый аргумент. Он повернул башню своего танка и так двинул грузовик орудийным стволом, что тот отлетел, словно детская игрушка.

Но все эти машины, пролетая мимо, только оглушали нас, не оставляя никакого следа в наших сердцах. Мы хотели видеть солдатские лица, потому что каждый еще сохранял надежду, что он встретит своего отца. Поэтому мы особенно интересовались пехотой.

Это были очень солнечные, жаркие дни. Мы старались одеться в самое лучшее, что имели, и держали в наших руках мороженое и цветы для солдат. Но они шли и шли мимо нас, как будто никого не видя – эта бесконечная река до смерти уставших людей.

Их лица были черные от пота и грязи, эти солдаты – они возвращались к их собственным детям и у них уже была одна забота – как их прокормить. Они видели американских солдат и американскую технику, и они возвращались в страну, где их жены тащили на себе плуг вместо лошадей.

И пыль стояла над всем этим. Я никогда не видел столько пыли! Мне было девять, пыль и усталость были главным моим впечатлением от этого праздника.

Я боюсь, что с тех пор мне стало казаться – пыль покрывает всех нас. Советская Власть вырастила нас, каждого из нас, солдатами. Мы всегда боролись с кем-нибудь – с буржуазией, детской бездомностью, голодом, реками, ветрами, урожаем... Везде висели лозунги «Все на борьбу с...». И мы действительно стали подобны солдатам. Что есть у солдата? Ничего кроме пыли и усталости. Пыль от наших «шагающих сапог» и усталость от нашей постоянной безнадежной борьбы. Вы легко можете узнать Русского по этому горестному нимбу. Один из моих лондонских родственников недавно вернулся из своей командировки в Россию. Я спросил его – что из этой командировки он запомнил особенно отчетливо. Он ответил мне сразу – пыль! Только пыль! Потом он помолчал немного и добавил, что ему показалось, будто эта пыль появилась в их самолете, как только тот пересек границу России. Он сказал это тихим голосом и оглянулся, словно желая проверить – не стоит ли за его спиной тень Киплинга.

Самый счастливый день моего детства

– Напишите, пожалуйста, рассказ о самом счастливом дне Вашего детства, – сказала наша учительница английского в Лондонском Хендонском колледже, и все мы очень обрадовались, получив такое легкое и приятное задание на каникулы.

Я не любитель откладывать дела в долгий ящик, поэтому уже на обратном пути из колледжа домой я стал вспоминать – какой бы мне выбрать день. Сам того не желая, я глубоко задумался о своем счастливом детстве, и немного разволновался, так что чуть было не попал под автомобиль.

Навстречу мне попадались англичане, японцы, негры, индусы и еще какие-то люди, и все они удивленно смотрели на меня, а двое или трое из них даже о чем-то меня спросили. Но я был какой-то отключившийся и не понял, о чем они спрашивали меня.

Только на мосту через Северное Кольцо это дошло до меня. Там с одной стороны садилось Солнце, а с другой стороны виднелись зеленые деревья, а внизу, естественно, бежали автомобили разных цветов, в общем-то ничего особенного там не было, но все равно на этом мосту я понял, о чем они спрашивали меня. Они спрашивали меня: «Могу ли я помочь Вам, сэръ?»

И еще я понял, что я плачу.

* * *

Собственно говоря, с этого рассказа должна бы начинаться эта книга. Это первый рассказ, который я написал. Примитивная довольно вещь. И язык в этом рассказе, прямо скажем, не фонтан. Потом я написал еще пятьдесят два рассказа и захотел было его улучшить, добавить что-нибудь. Но из этого ничего не получилось, и я оставил его немного сырым, каким он был с самого начала...

* * *

Когда война закончилась, мне было девять, и я ходил в школу – во второй класс. Хотя эта школа называлась «начальной», там были пятнадцатилетние ребята даже в нашем классе, не говоря уже о более старших. Естественно, они отбирали от нас все, что хотели. Мы привыкли к этим грабегам и не принимали их близко к сердцу, иначе наша жизнь стала бы совершенно невозможной. В конце концов, война только что закончилась, пол – Европы лежало в развалинах, и эти ребята – что они могли отобрать у нас, кроме соевых конфет, которые мы получали на завтраки!

Мы с мамой жили достаточно бедно, поэтому у меня почти не было вещей, на которые эти ребята могли бы обратить их внимание. Это ранило меня – быть таким бедным.

Зима была очень холодная, и однажды моя мама купила мне ушанку с длинными ушами. Эти уши были не просто длинные. Они были такие длиннющие, что почти доставали до моих колен. Много позже я понял, что эта ушанка была сделана из искусственного меха, но в то время мне казалось, что этот мех – заячий. Каждый раз, когда я бежал в школу или обратно домой, эти уши летели за мной, как две заячьих души, погубленных понапрасну. Эти убитые зайцы даже стали мне сниться. Другие неприятности начались у меня из-за этой шапки в школе. Большие ребята ловили меня с ней на голове и завязывали ее уши вокруг ножки стула или стола, так чтобы я не мог освободиться. Скоро я возненавидел эту шапку.

Когда, наконец, кто-то из этих ребят отобрал ее от меня, я был счастлив. Я уверен, что в моем детстве было много других счастливых дней, но, без сомнения, этот день был самый счастливый.

* * *

Дорогая Фрэнки!

Даже если эта книга никогда не завершится, погибнув под обломками моих добрых намерений, спасибо Вам за первый кирпич, который Вы вольно или невольно заложили в это неуклюжее шатающееся здание.

Лошадь и половина коровы

Как обычно, мы играли на перемене, и эти вещи выпали из моего кармана и покатались прямо к ногам нашей учительницы. При их виде ее лицо изменилось.

– Где ты их взял? – спросила она.

Я не осмелился сказать ей, что отнял их у двух кошек, которые играли с ними в подвале нашего дома, поэтому я молчал.

– Ты представляешь, по крайней мере, что это такое? – Учительница подняла их.

Я грубо представлял себе, что значат эти желтые диски, но предпочитал молчать об этом.

– Пойдем к директору!

Все посмотрели на меня с сочувствием. Наш директор вселял страх в сердца даже старших учеников. Он пришел в нашу школу из милиции. Он был очень сильный и в своем кабинете избивал больших ребят. Его прозвали «Боцман», и обычно он не обращал никакого внимания на нас.

Директор был у себя. Не говоря ни слова, учительница выложила эти предметы на его стол.

– Огромная ценность! – сказала учительница. – Ты должен был сдать их Государству. Есть у тебя совесть?

Конечно, она говорила эти слова мне, но немножко и директору тоже, как будто ожидая от него похвалы.

Обе монеты лежали на столе бородатым мужчиной вверх. Боцман вглядывался в это лицо с нескрываемым интересом. Я тоже посмотрел на это лицо и удивился – как этот бородатый человек похож на самого Боцмана.

– Золотая валюта, – сказал Боцман. – Двадцать царских рублей. Есть у тебя еще что-нибудь?

– Нет! – я сказал. – Я украл их в трамвае.

– Ты врешь. Но сейчас это не имеет значения.

Он взял монеты со стола и взвесил их в руке.

– До революции четыреста студентов могли наесться до отвала макаронами с мясом за эти деньги. Или можно было купить лошадь и... – он погрузился в вычисления – половину коровы...

Учительница смотрела на него со страхом. Директор проснулся, вытащил из ящика стола конверт и положил в него монеты.

– Ты отдал их учительнице добровольно, не так ли?

– Они выпали из моего кармана.

Тень прошла по его лицу, и он сказал:

– В таком случае придется составить протокол. Конфискационную запись. Сколько тебе лет?

– Девять, – я сказал.

– Твои родители должны ответить за сокрытие золотой валюты. Ступай домой и приведи их сюда завтра.

Я отправился домой, и по дороге я вспоминал, как моя бабушка часто молилась: «О, Господи, ослепи это Государство, не дай ему увидеть нас!»

Я сделал ошибку, и оно увидело нас. Я не мог пойти домой. Я пошел на Московский вокзал, чтобы броситься под поезд. Я проболтался на вокзале два часа, но за это время ни один поезд не появился, поэтому я решил вернуться в школу. У меня не было другого места.

Около школы меня встретила толпа возбужденных учеников. Они рассказали мне, что большие ребята до смерти устали от Боцмана. Большие ребята пригласили каких-то знако-

мых блатных, и те застрелили Боцмана прямо на его уроке истории, когда он рассказывал про убийство императора Павла. Мой будущий друг даже показал мне кусок штукатурки, отбитый пулей.

Когда я пришел домой, я ничего не сказал моей маме, и на следующий день моя учительница не напомнила мне об этих монетах. Я понял, что она конфисковала их для самой себя и обрадовался бабушкиной молитве, которая была услышана Богом.

Столик на пятерых

– И вазу! Большая работа! – сказала эта женщина и указала на серебряную вазу – единственную вещь, которую привезла с собой моя тетя.

Женщина была очень толстая и жизнерадостная. Ее колени были такие круглые, что мне хотелось укусить их.

Война закончилась, и мы оказались вчетвером – моя мама, бабушка, я, и моя тетя (сестра моей мамы), в которую когда-то был влюблен Николай. Сейчас ей было двадцать пять, и они не виделись шесть лет. Два дня назад она вернулась в Ленинград из маленького городка, куда она уехала работать после окончания текстильного техникума. Там моя тетя вышла замуж, и сейчас она привезла с собой свадебный подарок – серебряную вазу, на которую указала эта женщина.

Моя мама посмотрела на мою тетю. Тетя пожала плечами.

– Да, – сказала моя мама – Разумеется.

Смутное выражение скользнуло по лицу женщины.

– Боюсь, этот стол слишком маленький, – сказала она.

– В любом случае здесь нет другого, – сказала моя мама.

– Давайте попробуем.

Моя тетя, неизвестно зачем, легла на стол, и женщина несколько раз обошла вокруг нее.

– Отлично! Под ноги мы подставим стулья с подушками, – сказала женщина и рассмеялась. – На фронте мне приходилось работать в худших условиях.

– Будет очень больно? – в первый раз подала голос моя тетя.

– С болеутоляющими – только чуточку. Завтра в девять. Все должно быть, как мы договорились, и не ешьте до завтра ничего, кроме чая.

Моя мама проводила женщину и вернулась счастливая.

– Я боялась, она не согласится.

– Да. Хоть в этом повезло. Она выглядит, как профессионал.

– Она и есть профессионал! Пять лет фронтовой хирургии. Тебе ведь не жаль вазу, правда?

– Я ненавижу его! Он заставлял меня —

– Не при ребенке!

Я ничего не понимал. Пришла моя бабушка и мы сели пить чай.

– В последний раз, – сказала моя тетя и начала смеяться.

– Почему в последний? – спросила моя бабушка.

– Я имею в виду, впятером.

Я оглянулся, но никого не увидел за моей спиной, и отправился спать, не понимая – о чем они говорили весь этот вечер. В постели, я впервые в жизни увидел, как бабушка яростно скребет стол, и запах хлорки щипал мои глаза.

Когда я проснулся, эта женщина уже была в комнате. Она дала мне два яблока, и моя мама дала мне рубль и сказала мне, что я могу пойти после школы в кино. Я очень обрадовался и побежал готовиться к школе. Пробегая через кухню, я увидел, что на газовой плите в белой эмалированной коробке кипятятся какие-то странные инструменты. Я уже понимал, что это не была еда.

Однако, что это было такое на самом деле, я понял только через несколько лет. Советская Власть запрещала такие вещи, и любой пойманный доктор получал за них восемь лет. Наверное, много советских женщин умерли только потому, что им не посчастливилось найти такого хорошего подпольного доктора, как моя мама нашла.

Хлеб навсегда

У Сталина было три хороших причины не любить Ленинград и его жителей.

Во-первых, Ленинград не любил Сталина. Именно ленинградская партийная оппозиция стояла против него и предпочла Сталину его принципиального противника и злейшего врага Троцкого. И именно ленинградский партийный лидер Киров получил такую популярность в народе, что Сталину пришлось убить его, как пишут некоторые историки.

Во-вторых, только сейчас Ленинград превратился в большую помойку, а до войны он еще оставался прекрасным европейским городом. Двести семьдесят лет он был столицей одного из богатейших государств (в те дни он назывался Санкт-Петербург), и русские цари понимали толк в величественной архитектуре.

Рассказывают, что какой-то благородный англичанин захотел убедиться – действительно ли Санкт-Петербург так прекрасен, как люди говорят. Русский царь приготовил для него полную программу. Но он приехал в Санкт-Петербург инкогнито на собственной яхте, бросил якорь напротив Летнего Сада и два часа смотрел, как играют под ветром куски голубого и зеленого пространства в его ограде. Он не мог оторваться от них. Этот англичанин – он больше ничем не заинтересовался, и ровно через два часа он резко выдернул якорь и отправился обратно в Лондон. По прибытии, в своем клубе он сказал, что любой город, где есть такая решетка, безусловно, самый красивый город в мире. Сталин очень хотел, чтобы Его Москва стала более красивой, чем Царский Санкт-Петербург, но даже он оказался не в силах сделать так.

В-третьих, Ленинград был единственным европейским городом в России, и его жители еще сохраняли живую европейскую культуру и дух свободы, что было особенно ненавистно Сталину. Он старался уничтожить всякую память об этих вещах.

Во всяком случае, многие военные историки говорят, что Сталин специально затягивал освобождение Ленинграда от блокады, потому что он хотел, чтобы как можно больше ленинградцев умерло.

Если это правда, он добился своего. Свыше миллиона людей умерло там, хотя некоторые из нас умудрились выжить, и сейчас мы любим ходить в Музей Оборона Ленинграда, который открылся после войны.

Там были танки, пушки и самолеты, и фотографии героев, и их партийные билеты, залитые их кровью. И конечно, там было много портретов двух людей – Сталина и его помощника с лицом преступника даже на этих портретах. Он руководил обороной Ленинграда.

Там было много смешных документов, например, приказ директорам пивоваренных заводов. Они должны были вскрыть полы в цехах, собрать просыпавшееся зерно и сдать его Государству. Там же висели отчеты двух заводов. Один завод сдал семь килограмм, а другой – только шесть.

И еще там был дневник какой-то девочки. Ей было одиннадцать, и она писала, как ее мама умерла, и ее брат умер, и она осталась одна с ее мыслями о жизни и смерти. Она тоже умерла – эта неизвестная Анна Франк. Ее дневник не стал бестселлером, и никто не снял шикарный фильм о ней.

И еще там был кусок хлеба – сто двадцать пять грамм скорее глины, чем хлеба, дневная норма тяжело работающего взрослого человека. Он лежал на черном бархате под стеклянным колпаком, заполненным аргоном, чтобы этот хлеб сохранился навсегда. Этот колокол стоял на отдельном постаменте, и два световых луча скрещивались на нем.

Человек с Пицом преступника к тому времени уже умер, но другой, в точности такой же, посадил директора музея в тюрьму и навсегда закрыл Музей Оборона Ленинграда, наверное, потому что он недостаточно показывал роль играл Сталин в этой Обороне.

Мой первый сексуальный опыт

Мне было одиннадцать, и у меня был друг годом старше меня. Мы жили на одной улице и ходили в одну и ту же школу, в один и тот же класс.

Его дом был знаменит – в нем жила известная Советская поэтесса. Советская Власть убила ее мужа, поэтому она пила и часто выходила на улицу – проделывать разные смешные штуки. Нам нравилось смотреть эти штуки.

Рядом с этим домом был сад. В течение дня там было много народу, но к вечеру этот сад превращался в пустыню, потому что там собирались блатные. Они сидели на скамейках, пили пиво и обсуждали свои дела на особом языке, который мы уже понимали.

Можно сказать, что они любили нас. Иногда они угощали нас какой-нибудь едой, и еще они любили смотреть, как мы метаем ножи в цель. У меня был тяжелый нож десантника – не помню, у кого я его отобрал, а мой друг пользовался легким медицинским скальпелем. Мы бросали наши ножи в спичечный коробок с пяти метров, и эти блатные ставили деньги – кто из нас выиграет. Обычно мой друг побивал меня. Я поражал цель шесть раз из десяти бросков, он – восемь раз. Он хранил свой скальпель за шиворотом, и это было великолепное зрелище, когда он вскидывал руки кверху и молния вылетала из ниоткуда.

Однажды мы увидели в саду какое-то животное. Оно стояло на задних лапах и кланчилось еду. Блатные кидали ему хлеб и мясо. Я сразу понял, что это была собака, потому что раньше видел другую собаку, а мой друг сразу догадался, что это была собака, потому что он читал о собаках в книжке – была у нас такая книжка, которая называлась «Каштанка». Собака была невиданное зрелище в Ленинграде той поры, потому что все животные в блокаду были съедены. Мы подошли ближе, чтобы погладить ее.

Увидев нас, один из этих блатных, сильный мужчина лет сорока, с длинными усами, приподнялся и приветственно помахал нам рукой.

– Хотите видеть забавную штуку? – спросил он.

Мы с готовностью засмеялись.

Он неторопливо подошел к собаке, вынул из кармана голубую пружинную финку, наклонился к собаке и сделал что-то такое, отчего она завизжала. Потом он выпрямился и показал нам собачий хвост в своей руке.

Я стоял парализованный, почти мертвый, но мой друг вскинул руки кверху, и время остановилось. Много позже я стал фанатом Кунг-Фу и Дзена, тогда время довольно часто останавливалось для меня, и я перестал удивляться этому. Но в тот раз это было впервые.

Я стоял разинув рот и смотрел, как маленький тонкий предмет, медленно плывет по направлению к этому мужчине. В своем движении он лениво кувырчался, вспыхивая на вечернем солнце, каждый раз ломая свою длинную тень на земле. Я мог досчитать до пяти, прежде чем он достиг этого мужчину и начал медленно тонуть в его горле. Когда он наполовину исчез, мужчина начал закатывать глаза и поднимать кверху руки.

Все это было ужасно медленно, и я уже понял, что мы должны бежать куда-нибудь, но нам все равно было негде спрятаться. Я стоял, не ожидая ничего хорошего.

Время вернулось, и мужчина с длинными усами тяжело грохнулся на землю. Все оставалось на своих местах в молчании. Наконец их босс развязал язык.

У него на груди была татуировка – пять церквей. Это обозначало, что он пять раз сидел в тюрьме. Поэтому он был их босс.

Он сказал на их языке, что пацан был в своем праве. Никто не должен дуплить его за это, и мы можем убираться.

Мы схватили собаку и убежали.

В этот вечер мы поняли, что можем постоять за себя, и играли с собакой и были совершенно счастливы. Мы долгое время гуляли по улице и потом договорились насчет завтрашней рыбалки. Завтра мы должны были встать очень рано, чтобы захватить рассвет на реке Охта, за пять километров от нашей улицы. До этого дня мы не осмеливались ходить туда.

Я проснулся вовремя и отправился к моему другу. Вчера мы с ним договорились встретиться в том же саду.

Мой друг уже ждал меня. Его удочки были аккуратно прислонены к дереву, а сам он сидел на скамейке, глядя в небо. Я окликнул его, но он не ответил мне. Я подошел ближе и понял, что босс пересмотрел свое решение, потому что горло моего друга было перерезано от уха до уха.

Порез был глубокого темно – красного цвета, его края были вывернуты и казались женскими губами, открытыми и зовущими. Это было прекрасное, отвратительное и чудовищно непристойное зрелище. Я ужасно возбудился, внизу у меня все зашевелилось, небывалое томительное мгновение, наслаждение неизвестное доселе, захватили меня врасплох, и сразу же мой внутренний огонь превратился в неприятный холод, ползущий по моим ногам, словно тяжелое липкое насекомое, но за прошедший миг я понял, почему появляются разные маньяки, которые хватают женщин и делают своими ножами им разные плохие вещи.

К счастью, эта мысль быстро исчезла, но даже сейчас, когда я вижу женские губы, намазанные темно – вишневой помадой, я ловлю скорее смутный отблеск этого странного чувства.

Дитя ленд-лиза

В начале войны каждый русский солдат имел половину винтовки, но потом Сталин организовал производство оружия в Сибири. Мир не видел ничего подобного этому. День и ночь тяжелые поезда с трудом пробивались сквозь пургу. Наконец, они останавливались где-нибудь в чистом поле, и изможденные люди вываливались из промерзших товарных вагонов. Первым делом они спрашивали – куда поставить оборудование, и только потом – где они будут спать и что они будут есть. Они работали восемнадцать часов в сутки и там же спали и ели, и они любили друг друга в тех же огромных цехах, и там же рожали своих детей.

К зиме 1943 Россия уже выпускала больше танков, пушек и самолетов, чем Германия, и умные люди поняли, что Сталин побил Гитлера. Поэтому они решили как можно скорее помогать России и начали поставлять ей военное оборудование и продовольствие. Предполагалось, что Россия когда-нибудь оплатит эти поставки по Ленд-лизу, но я уверен, что даже тогда никто не верил в это.

Американские грузовики «Студебеккер», английские самолеты «Кобра», и много других иностранных вещей появились в России. Самолеты были хуже, чем русские, а грузовики были лучше, чем русские, но на самом деле это уже не имело значения, потому что победа Сталина была уже очевидной.

В то время мой отец работал в Мурманске. Он получал английские поставки. Там были какие-то махинации со страховкой, он как секретный агент даже не знаю какой организации расследовал их. До недавнего времени любой, кто сотрудничал с иностранцами, был секретный агент чего-нибудь, и каждый нормальный иностранец знал это. Капитан английского крейсера предлагал моему отцу помощь, чтобы тот бежал от Сталина в Англию, но мой отец не решился на это. Хотел бы я знать – чего он боялся?

На деле, я хочу сказать, что американская еда появилась в Ленинграде, подобно сегодняшней гуманитарной помощи. В те дни чиновники крали меньше, чем сейчас, поэтому еды хватало всем. Люди перестали умирать от голода.

Это соевое молоко – мы ели его из тарелок, как суп. Там были особенные голубые прожилки. Они были самой вкусной частью, но трудно вылавливались ложкой. Еще там были консервы из крабов – с глянцевыми красочными этикетками, которые легко отклеивались и стали нашей первой валютой, и свинина с бобами – любимое блюдо американских черных по Уильяму Фолкнеру и клондайкских золотоискателей по Джеку Лондону.

Однажды я пришел в столовую за моей обычной порцией. Эта столовая была накануне капитального ремонта, поэтому там не было никого, кроме мужчины в грязном фартуке.

– Что ты ищешь, кореш? – спросил он меня.

Была осень. На мне была новая школьная форма, и новый пионерский галстук, и мои ботинки были новые, и мои очки – тоже. – Бобы и свинину! – я сказал.

– Будь я проклят! – сказал он с восторгом и обошел вокруг меня, разглядывая меня со всех сторон. – Постой секунду!

Он вышел из комнаты на короткое время и вернулся с вещью, которую я просил. Это была огромная двадцатикилограммовая консервная банка, скорее бочка. На одной ее стороне были нарисованы черные американские солдаты. Я вспомнил американского капитана и поймал себя на мысли, что он бы донес эту банку до моего дома своей одной рукой.

– Бери это и проваливай! – сказал он.

Я не заставил себя долго ждать. Кое как я положил эту банку набок и покатил ее домой, по дороге разговаривая с ней на разные голоса. Люди смотрели на нас с интересом, но мне было не до них, потому что путь все время шел в гору, и я устал и вспотел. Вдруг банка остановилась. Я поднял глаза и увидел какого-то мужчину.

Он поставил ногу на мою банку и смотрел на меня выжидающе. Я с трудом различал его лицо сквозь мои запотевшие очки. Мы стояли и смотрели один на другого.

Это было вскоре после смерти моего друга. У меня не было больших мускулов, но я пережил блокаду, и уже привык к жестоким уличным дракам, и знал много полезных штук для них. В моем кармане лежал заточенный напильник, и без сомнения, если бы он попытался отнять у меня эту банку, я бы убил его.

Мы оба понимали это. Он убрал свою ногу с моей банки, свистнул и отправился по своим делам, а я покатил эту банку дальше к моему дому, который был уже совсем близко.

Последний день моего детства

Когда мы пришли, виселицы уже были приготовлены. Там собралось много народа, на этой площади. Это не понравилось нам, потому что было трудно протиснуться в первые ряды сквозь толпу, чтобы посмотреть, как будут вешать немцев – военных преступников.

Площадь была маленькой и грязной. Большой кинотеатр и шумный рынок соседствовали там напротив друг друга. Еще там были дома, навечно закопченные заводским дымом, и четыре виселицы со свободно болтающимися петлями – по две на каждой. Все это удачно гармонировало с угрюмым небом и слякотью, хлюпающей под нашими ногами. И толпа была такая же – печальная, грязная и молчаливая.

Мы проталкивались довольно долго и заняли хорошие места как раз перед самым прибытием грузовиков. Грузовики были новенькие, с иголки, радостного зеленого цвета. Они создали праздничную атмосферу, и толпа сделалась веселее, люди зашевелились и начали разговаривать друг с другом.

Несколько грузовиков подъехали к виселицам. В каждом грузовике было по два немца со связанными руками, два русских автоматчика и один невооруженный человек.

Я хорошо помню только один из этих грузовиков и двух немцев – мужчину около тридцати и старого генерала. Собственно говоря, мы решили, что он был генерал, потому что он выглядел в точности как немецкие генералы, которых мы видели в кино – очень высокий и худой, в красивой форме, сияющих сапогах и с моноклем на цепочке. Борты грузовика были откинуты, и они стояли на открытой платформе, так что каждый мог видеть их хорошо.

Бог не отметил их лица чем-нибудь особенным, но младший мужчина плакал, а старший морщил свой лоб, как будто бы стеснялся чего-то. Петли болтались возле них.

Громкоговоритель закричал что-то неразборчивое. Наверное, это был приговор, потому что за это время ничего не происходило и я стал смотреть на наших соседей.

Я помню троих из них – старуху, однорукого лейтенанта и высокого мужчину в черной одежде, который тоже выглядел так, словно только что сошел с экрана. Я догадался, что это был священник. Все они молчали.

Внезапно громкоговоритель заткнулся, и невооруженный человек надел петли немцам на шею. Грузовик начал очень медленно отъезжать от виселицы, а немцы с такой же скоростью пошли к виселице. Грузовик продолжал свое движение, а немцы – свое, но платформа кончилась, и они сорвались с нее.

Они пролетели по длинной дуге – мне показалось, что они вот-вот ударятся о землю! – но они не ударились и стали раскачиваться со все уменьшающимися размахами. На брюках у них появилось и стало расплываться желтое пятно. Это выглядело как прекрасное цирковое представление, и мы начали смеяться. Но люди вокруг нас молчали, и скоро мы замолчали тоже.

Я стоял около моей беззубой соседки, и вдруг понял, что это молчание объединило меня с ней и со всеми остальными на этой маленькой грязной площади, и что все мы молчим об одном и том же. Я ничем не отличался от всех других в этой толпе, и поэтому понял, что мое детство кончилось. Я стал взрослым.

Недалеко от этой площади, на Пискаревском кладбище, в общих могилах, лежал миллион наших детей, сестер, матерей, отцов, братьев. В конце концов, все они были убиты немцами. Но сейчас это уже не имело значения.

Мы долго стояли в молчании, и только высокий человек в черной одежде беззвучно шевелил губами. Должно быть, он молился за немецкие заблудшие души...

Немного позже у меня написалось мое первое в жизни стихотворение. Как у всех начинающих, оно было типа «Что вижу, то и пою» – о том, как ночью кто-то снял шикарные генеральские сапоги, и когда мы вернулись на следующее утро, генерал болтался в петле босиком.

Дикая жизнь

Моя бабушка, моя двоюродная сестра Татьяна, и я ужасно торопились – наступала пора выходить. В этой глуши поезд останавливался только на минуту и следующая, настоящая остановка была через сорок километров в городе Выборге. Поезд остановился, его подножки были очень далеко от земли, поэтому мы кое-как побросали свой багаж и самих себя на вереск. Поезд двинулся дальше, а мы остались стоять на месте – три бедные маленькие вещи перед деревьями, небом и солнцем.

Это место было дальше, чем сто километров от Ленинграда, и в то время поезд добирался туда четыре часа. Советская Власть отняла эту благословенную землю у Финляндии только восемь лет назад, поэтому она еще не успела пропитаться запахом скуки и нищеты русских деревень. Там были прекрасные чистые деревянные дома, в которых никто не жил, дороги, которые не превращались в болота после первого дождя, и люди, которые были разбросаны, словно звезды в небе.

Мы впервые в жизни покинули огромный город и сейчас стояли, не понимая – кто мы и как мы попали сюда. Было жарко, и я снял с себя рубашку, оставив только майку.

Вдруг моя бабушка вскрикнула и отпрыгнула в сторону. Большая серая змея медленно выползала прямо из-под наших чемоданов и рюкзаков. Она не была противная, ничуть нет, скорее прекрасная на самом деле, и я подбежал к ней и схватил ее в руки. Это было мое первое знакомство с дикой жизнью.

Змея выглядела мягкой, ленивой и доброй, но она оказалась твердой, быстрой и злой. Она развернулась, как стальная пружина, дважды ударила меня в левое плечо и упала в вереск, исчезая.

Четыре капли крови выступили на моем плече, моя бабушка вскрикнула снова, а моя двоюродная сестра заплакала. Моя бабушка схватила меня и стала сосать мое плечо.

Мне было одиннадцать, а моей двоюродной сестре, дочери Ольги и Олега, было восемь. Брат Олега, Георгий, играл в одном из ленинградских театров. Режиссер любил его и включил его в список деятелей искусства, которым Советская Власть разрешила арендовать бывшие финские дома, потому что деятели искусства искали для своего отдыха одиночество, простор и свободу. Некоторые из них имели автомобили, а другие – нет. По их просьбе Советская Власть организовала в этом месте минутную остановку поезда.

Следующий поезд ожидался завтра. Ближайший дом был наш – четыре километра от станции, в лесу. Не далее как утром мы, счастливые, собирались пройти этот путь с песнями и смехом, и сейчас нам оставалось только идти вперед.

Лесная дорога была широкая и чистая, желтая от сосновых иголок. Они падали и падали, наверное, в течение веков, и все вокруг выглядело так, словно мир остановился, ничего не происходило в нем, только проволочные ограждения со смешными табличками «Берегись – мины!» вырастали здесь и там по обеим сторонам этой желтой дороги. Вдобавок там было много муравьев. Они быстро бежали в разных направлениях, я смотрел на них, и моя голова закружилась. Я упал.

Я лежал на тропинке. Мое плечо было размером с мою голову, и мне казалось, что моя голова сейчас разлетится на части, потому что кто-то сильный бил в нее изнутри с каждым ударом моего сердца.

– Прости, – сказал я бабушке. – Я не могу встать.

– Ты должен встать, – ответила она. Она несла свою и мою поклажу. – Ты – сильный мальчик, ты должен встать и идти! – Она плакала. Она бросила поклажу и стала на колени, взвалив меня на спину. В этот момент два солдата с полными ведрами грибов появились на тропинке. Увидев нас, они удивились, потому что здесь никто не жил.

– Что случилось? – спросили они.

– Ребенок умирает. Змея укусила его! – сказала моя бабушка.

Они переглянулись.

– Одиннадцать километров, – сказал один из них.

– Заткнись, мудозвон! – сказал другой.

Они соорудили носилки из веток и нашей одежды. Я начал ложиться на эти носилки, но кто-то внутри моей головы ударил меня так сильно, что я дальше ничего не помнил.

Я пролежал две недели в выборгском госпитале. По всем законам медицины я должен был умереть, но я не умер и выписался из госпиталя, когда лето было в полном разгаре. Мы часто ходили в гости к этим двум солдатам, их маленькое подразделение – две палатки и дежурный автомобиль – размещалось в лесу, семь километров от нашего дома, эти солдаты вместе с другими что-то там строили. Они скучали, эти солдаты, поэтому они играли с нами, с Татьяной и мной, показывая нам, как нужно видеть и понимать дикую жизнь. Теперь мне казалось смешным, что я мог никогда не увидеть ни рака в ручье, ни лося, который однажды съел нашу кашу, ни зайца в осиннике.

Я не раз оставался на ночь в палатке с этими солдатами, и спал на низком сеновале вместе с ними, и однажды я проснулся в боли и ужасе – огромные рога закрывали луну надо мной, это какой-то черный бородатый козел наступил мне на лицо. Один из тех двух солдат подарил мне ремень с большой латунной бляхой, и когда однажды бешеная овчарка, роняя слюну, попыталась вырвать мне кишки, она сломала об эту бляху два своих клыка, и с визгом отскочила прочь на такое расстояние, что ее смогли пристрелить, не боясь попасть в меня.

Я подтягивался на турнике бок о бок с этими солдатами, стал сильнее и очень вырос за это лето – никто не верил, что мне только одиннадцать.

Моя бабушка тоже подружилась с этими двумя солдатами. Она отдала им наши продовольственные карточки и деньги, они отоваривали наши карточки в своей воинской части, за тридцать километров отсюда.

Однажды, когда мы, как обычно, пришли в гости к ним, их не было на месте. Их не было во второй и в третий раз. Я все время искал их, пока моя бабушка не сказала мне через неделю, что они убили двух девушек и направлены в свою воинскую часть для трибунала.

Я понимал, что они не просто убили этих девушек, а сначала делали вместе с ними что-то очень сладкое. Где-то я слышал, что девушки любят делать это не меньше, чем мальчики, поэтому я удивлялся, зачем это понадобилось этим двум солдатам – убивать девушек. Будь я одним из них, я бы не стал убивать девушку, а делал бы вместе с ней ЭТО снова и снова.

Любовь водопроводчика

Конечно, ловля шпионов была любимым занятием Советской Власти. Планирование шло сразу за ловлей шпионов. Бесчисленные тысячи людей планировали – куда повернуть реки, и сколько зоосадов должно быть организовано, и когда вы должны сажать картошку. Они планировали сколько спичек должно быть сделано в Ленинграде для Сибири, и сколько требуется вагонов для доставки сырого леса из Сибири в Ленинград и готовых спичек из Ленинграда в Сибирь. Чем больше они планировали, тем хуже становилась жизнь.

Внезапно безопасные бритвы, горчичники, конфеты с ликером, носки, зубная паста, термометры, шнурки для ботинок исчезли вместе со всем планированием. Можете вы представить себе, что на одной шестой части суши, от Балтики до Аляски, из всех магазинов сразу могут исчезнуть шнурки от ботинок?

Однажды исчезли сиденья от унитазов. Нельзя сказать, что отсутствие этих сидений создавало великую проблему, однако, добавляло некоторые неудобства в и без того трудную жизнь. Наша квартира как раз терпела такое неудобство – наш унитаз не имел сиденья уже третий месяц.

Советская Власть наконец вселила долгожданную новую соседку в нашу квартиру. Раньше она танцевала в театре, но сейчас ей было сорок лет, и она вышла на пенсию. Обычно она проводила часы на нашей кухне – одетая в грязный халат, она горбилась перед зеркалом со свечой в руках. Над пламенем этой свечи она расплавляла в ложке воск и делала из него свои искусственные зубы. Потом она начинала примерять их на себе. Позже я видел фильмы Хитчкока, и я думаю, он бы хорошо заплатил за эти кадры – она, в ее желтом халате, сидит в полутемной кухне, перед зеркалом, со свечой в руке. Пламя свечи пляшет в зеркале, и белые зубы странной формы то появляются, то исчезают здесь и там в ее широко раскрытом рту.

У нее был муж – у этой женщины. Он был на шестнадцать лет моложе, чем она, и работал водопроводчиком в каком-то военном институте – первое легкое дуновение Военно-Промышленного Комплекса в моей жизни. Этот человек не жил с ней, но часто приходил к ней в гости. Иногда она разрешала ему войти в ее комнату, но чаще – нет, и тогда он плакал на лестнице за нашей дверью. Я видел его там несколько раз.

Он был тщедушный человек с маленькими усиками и напоминал Чарли Чаплина. В отличие от Чарли Чаплина он всегда выглядел опрятно, и я никогда не видел его пьяным.

Однажды был день рождения нашей соседки, и он принес большой пакет, перевязанный голубой лентой. Он сказал, что это – его подарок на ее день рождения. На наших глазах она разорвала обертку, и мы увидели новое сиденье от унитаза.

Сначала отставная балерина не знала, как ей реагировать – благодарить своего мужа за подарок, или спустить его с лестницы. В конце концов она решила остаться довольной этим подарком.

Хотели бы мы знать, где он украл это сиденье. Самое вероятное – в институте, где он работал, разрабатывали специальные сиденья для генералов и планировали, сколько таких сидений надо выпустить к двадцать первому веку. Во всяком случае, сиденье подошло хорошо.

Мы все вместе отпраздновали день рождения нашей соседки, водопроводчик поднял гост за ее здоровье, который начинался словами «Мы, люди науки...», и на эту ночь она разрешила ему остаться в ее комнате.

В те дни электричество часто отключалось и мы приспособились к темноте. На следующее утро моя мама рано встала, чтобы наощупь побегать по нашему длинному коридору в туалет, и первая вещь, на которую она там наткнулась, были чьи-то теплые ноги, свисающие над унитазом.

Жизнь приучила мою маму к решительным, мужественным поступкам. Она не впала в истерику, метаясь с криками туда и сюда. Вместо этого она ринулась на кухню, схватила там самый большой нож и перерезала веревку – пока ноги теплые, там имелась какая-то надежда.

Труп рухнул вниз, в темноту, и, конечно, это мертвое тело сломало новое сиденье от унитаза – последний подарок водопроводчика на день рождения его любимой женщины.

Мне было одиннадцать. Вся жизнь этого человека, включая обстоятельства его смерти и сломанное сиденье от унитаза как памятник на его могиле, казались мне самой смехотворной вещью, которую я когда-нибудь видел.

Рыба на свадьбу

– Если не Вы, кто тогда? – моя мама спросила этого профессора, рассказав нашу историю в десятый раз.

Это было одно из тех дурацких происшествий, которые вечно приключались со мной. Рядом с нашим домом располагался рыбный магазин с огромным аквариумом, где плавали большие рыбы. Я ходил туда смотреть этих рыб и уже знал некоторых из них в лицо. Там никогда не было покупателей. У людей не было денег, поэтому в магазинах было много товаров, как только люди стали зарабатывать деньги, товары исчезли. Я уже рассказывал об этом.

Моя мама и я стояли около этого аквариума, выбирая рыбу, которую мы хотели купить. Нам была нужна хорошая рыба для свадебного стола, потому что Николай, наконец, покинул госпиталь, где он провел три месяца в полной неподвижности, и завтра он был должен жениться на моей тете.

– Эту, пожалуйста! – сказала моя мама и указала на самую большую рыбу, которую я любил больше других. Продавец подвел под рыбу сачок, поймал ее, взвесил, положил в бумажный пакет и протянул пакет мне – «Держи!»

Я взял пакет. Рыба высовывалась из него. Я жалел рыбу, но стеснялся этого, поэтому я начал валять дурака, показывая всем – как я люблю ее. «Осторожнее!» – предупредила меня моя мама, но это было слишком поздно – рыба порезала мне шею своими плавниками. Кровь брызнула, пачкая мой воротник. Я вскрикнул от боли.

Рана была не глубокой, но обширной, она все время кровоточила, не желая заживать, моя бабушка вычерпывала гной из нее ложкой. Я жаловался, что кто-то сидит внутри меня, стараясь вырваться наружу, и мы ходили от врача к врачу...

– Уже два месяца? – недоверчиво спросил профессор. – Вы уверены?

Наш участковый врач пожал плечами.

– В конце концов, это – шея. За два месяца такая штука или заживает, или... – профессор замолчал. Потом он дал нашему врачу несколько советов и сказал моей маме:

– Я думаю, что Вашему сыну следует лечь в больницу. Немедленно!

– Не бойся, молодой человек, – он повернулся ко мне. – Может быть, когда-нибудь мыотрежем тебе руку, но голову – никогда!

– Большое спасибо Вам за Вашу доброту, – сказала моя мама...

Должно быть, несколько человек умерло в этой больничной кровати до меня, потому что этот кто-то томился и ворочался внутри меня еще отчаяннее, чем раньше. Я боялся его и хотел, чтобы этот профессор отрезал мне голову – пусть этот огромный, глухой и слепой кто-то вырвется из меня, наконец, и для меня начнется новое, лучшее бытие, которое не обязательно называется «Жизнь».

Отмененный полет

Я часто встречал его в нашем дворе. Про него говорили, что он был родственник поэта, который был убит Советской Властью. Собственно говоря, Советская Власть убивала этого поэта всю его жизнь, пока он, наконец, не сошел с ума во время обычного перегона из лагеря в лагерь. Там был глубокий снег на дороге, и он едва тащился, потому что другие заключенные, естественно, отбирали у него всю еду, которая выдавалась ему. Он стал отставать, но конвой имел инструкцию не расходовать патроны по всяким пустячным случаям вроде этого, поэтому вместо расстрела какой-то солдат заколол его штыком и оставил валяться на дороге. Может быть, это – всего лишь легенда. Во всяком случае, никто не знает – как он умер и где его могила лежит. Он был великий поэт, и я хотел бы знать – почему всегда больше солдат, чем великих поэтов среди нас.

Ему было лет двадцать пять, этому человеку, которого я часто встречал в нашем дворе, и он всегда смеялся. В то время взрослые редко даже улыбались, а он был похож на солнечный зайчик – такой же яркий и шустрый. Однажды я видел, как здоровенный пьяный мужик три раза пытался ударить его, но каждый раз он уворачивался, смеясь, как обычно. Потом он сделал что-то, и этот пьяница рухнул на колени, стоная. Я часто дрался в те дни и сам знал несколько хороших приемов, но все равно я не мог понять – что он мог сделать, чтобы такой здоровый дядька застонал от боли.

Это был холодный день, и луна сияла в небе. Я стоял около нашей парадной, ожидая мою маму. Рыба порезала мне шею своими плавниками три месяца назад, и я только что вышел из больницы. Моя рана зажила и больше не болела, но я все равно плохо себя чувствовал, делаясь все слабее и слабее. Весь тот день я провел в кровати, но к вечеру я почувствовал себя лучше и вышел прогуляться и встретить мою маму после работы. Я знал, что она должна была вернуться часа через два.

Не было боли, но слабость, но грусть скорого прощания томили меня, и я смотрел на луну. Луна была близко, и я снова почувствовал, что я – одуванчик и скоро полечу к ней.

Этот человек, родственник поэта, как всегда торопился и проскочил мимо меня. Вдруг он остановился, как будто что-то ударило его, посмотрел на меня и подошел ко мне.

– Парень, – он спросил, – в чем дело? Что случилось?

– Ничего, – я ответил.

Он поглядел на меня снова и встряхнул головой, как будто не веря своим глазам.

– Пойдем со мной!

– Я не могу, – я сказал. Мне нравился этот человек, и я пошел бы с ним куда угодно. – Я жду мою маму.

Он спросил меня, когда она придет, и после моего ответа успокоил меня, что мы успеем, все будет okay. Мы побежали вместе и прибежали в соседний дом. Он спустился в подвал, вынимая какие-то ключи из кармана. «Подожди минутку!» – крикнул он и скрылся за дверью.

Там было тихо, в этом подвале, и я мог слышать почти каждое слово.

– Сенсей, – сказал этот человек. – Есть мальчик. Я никогда не видел такой огромной дыры. Я думаю, ему осталось не больше, чем три дня.

– Где ты был раньше? – спросил другой голос. – Это – не рак, я надеюсь?

– Сенсей, я не думаю так. Светлое истечение.

– Пусть он придет сюда.

– Он здесь, – сказал этот мужчина, выходя ко мне, беря меня за руку.

Позже я видел много похожих подвалов. Советская Власть запрещала эти вещи, поэтому мы обычно собирались в местах, подобных этому – цементный пол и одинокая лампочка под потолком. Но здесь я впервые увидел эти деревянные статуи без лиц, но с множеством рук –

обрубков, и ведра, заполненные влажным рисом, и картину, которая изображала какого-то мужчину, сидящего в странной, но, по-видимому, удобной позе.

Четверо мужчин сидели на цементном полу точно в такой же позе. Бритоголовый мужчина стоял, и я сразу догадался, что это и был сенсей.

Он бегло взглянул не прямо на меня, а куда-то выше и сказал:

– Рыба... Или птица... Нет, определенно рыба... Льет как из ведра. Ты ошибся – не больше двух дней.

Он повернулся к мужчинам.

– Латихан, – он скомандовал, – в полную нашу силу.

Мужчины встали и начали раздеваться. Родственник поэта и сенсей тоже начали раздеваться.

Мне было двенадцать. Я был стеснительный ребенок по части наготы, поэтому я боялся взглянуть на них. Они были совершенно голые, и каждый из них выглядел – я могу сказать это сейчас – как Шварценеггер или, по крайней мере, Клод ван Дамм.

– Чего ты ждешь? – сенсей спросил меня. – Раздевайся!

Он был самый молодой из них – этот курносый, голубоглазый сенсей, что означает «тренер, учитель, гуру», и в своей речи он делал ударение на «О».

Я не посмел послушаться этого сенсея.

Они повернули меня на девяносто градусов вправо, столпились вокруг меня, касаясь меня своими телами, протянули ладони над моей головой и начали кружиться вокруг меня, гудя на разные голоса.

Гул был тихий, но мощный. Мы стояли там, голые, в холодном подвале, на цементном полу, снаружи было минус десять. Эти мужские тела окружали меня, словно ужасные горячие деревья. Они не делали ничего кроме гула, обливаясь потом, и я чувствовал огонь под ложечкой.

Мне было двенадцать. Могучие мужские ладони были над моей головой, как будто они защищали меня от всего мира, и я чувствовал их силу и доброту, вливающуюся в меня. И еще что-то наполняло меня, что заставляло меня быть лучше, чем я был на самом деле.

А потом я на какое-то время потерял сознание, но утром, на следующий день, я почувствовал себя здоровым и пошел в школу.

Россия – родина слонов

Николай вернулся с войны. На деле война кончилась для него гораздо, гораздо раньше, еще в 1944, когда его второй танк охватило пламя. Николай вытолкнул своего бесчувственного стрелка наружу и не помнил, что было потом. Он провел три года в разных госпиталях и перенес три тяжелых шестичасовых операции на позвоночнике. После последней он лежал три месяца в полной неподвижности. Сейчас он был в состоянии вернуться домой.

Он еще любил мою тетю, этот полупарализованный человек. После ее неудачного замужества и развода моя тетя как-то написала ему письмо, они начали переписываться и потом решили пожениться, как только он сможет покинуть госпиталь.

И он покинул госпиталь, в конце концов. Сначала они жили в нашей квартире, так что наш адрес был записан в их паспортах. Советская Власть называла это «пропиской» – вам не разрешалось переехать куда-нибудь на другой адрес. Первый раз поймав вас по другому адресу, Советская Власть только штрафовала вас, но на второй раз она могла выселить вас из Ленинграда. Несмотря на это, они все-таки переехали в другой дом. Позже Николай как инвалид войны получил от государства новую квартиру.

Первая вещь, которую они купили, был рояль, потому что Николай любил играть. Он даже сочинял музыку, и мы часто ходили к ним в гости слушать эту музыку. У него было множество талантов – он рисовал, фотографировал, понимал кошек и собак. Любая работа кипела в его руках, и я часто завидовал его искусству.

Моя семья сохранила его диссертацию, он защитил ее, сразу получил звание доктора наук и хорошую работу. Николай и моя тетя превратились в наших богатых родственников и начали помогать нам. Настала прекрасная жизнь. Только одна вещь смущала меня – они оба не выносили никаких разговоров против Советской Власть. Было похоже, что они скорее любили ее. Моя мама, как ни странно, присоединилась к ним в этом, и я начал чувствовать себя чужим в собственном доме. В те дни Советская Власть начала борьбу с «низкопоклонством перед Западом» – так это официально называлось. Каждый день все газеты печатали статьи про доселе неизвестных русских ученых, которые открыли все и вся много раньше, чем иностранные ученые.

Выходило, что самолет, поезд, автомобиль, электричество, радио, телефон, даже дождь и солнце, были русскими изобретениями. Советская Власть срочно переименовывала улицы, кинотеатры, кафе, которые назывались по-иностранному. Например, кафе «Норд» было переименовано в «Север». «Французские» булочки стали называться «Городские» и так далее.

Люди смеялись над этим. Именно в те дни родилась поговорка «Россия – родина слонов». Однажды я увидел объявление на стене – «Все обязаны пойти на лекцию «Советский снежный человек – самый снежный в мире».

Когда я, смеясь, рассказал Николаю об этом объявлении, разразился грандиозный скандал, потому что, по его мнению, это было ничуть не смешно, а кощунственно! Мне было двенадцать, и я хорошо запомнил этот скандал, потому что это была первая настоящая ссора в нашей семье.

Вскоре мы помирились и были опять счастливы. Как раз перед своей смертью он – этот человек с обгорелым лицом, кое-как сварганенным на скорую руку из его зада, создал Советский напалм, который, в общем-то, не нашел широкого применения в Советской Армии.

Трамвай по имени Желание

Я старался как можно дальше отодвинуться от моей мамы, но трамвай был переполнен, меня снова прижимало к ней, и я не знал куда деваться от страха. Серые, усталые, сонные лица нависали надо мной со всех сторон, и мне казалось, что я умер и никогда больше не увижу небо и солнце. Я закрыл глаза, но что-то подняло мои веки и заставило повернуться налево. Там была женщина между двумя строительными работягами, рыгающими чесноком. Светлое, почти желтое пламя плясало вокруг ее головы.

Наш сенсей уже говорил нам, что каждый человек имеет светящуюся оболочку вокруг себя. Чем светлее эта оболочка, он сказал, тем ближе к Небу ее владелец. У святых – желтая оболочка, цвета Солнца.

Я смотрел на эту женщину. Она была старая, много старше моей мамы, и у нее было такое же серое, усталое лицо, как все лица в этом трамвае, но желтое пламя плясало вокруг ее головы.

Жизнь была трудной, особенно для женщин. В конце концов, они находили забвение в водке реже, чем мужчины. Было раннее утро. Эта женщина спала, стоя, тонкая струйка слюны стекала по ее подбородку. Ее голова моталась туда – сюда, задевая соседей желтым пламенем, и мне хотелось кричать: «Святая! Святая женщина среди нас!»

– Когда-нибудь вы увидите это сияние, – говорил наш сенсей – тренер, учитель, гуру.

Я пришел в этот подвал во второй раз два года назад. Он сидел в странной позе – пятки на бедрах, спиной ко мне, и он не обернулся. Я остановился в дверном проеме, не решаясь войти.

– Что это за вещь, которая хочет войти? – спросил он.

Я понимал, что он спрашивает меня – кто я есть на самом деле, но я не знал этого и поэтому молчал.

– Что может это вещь надеяться получить здесь?

Я не надеялся ни на что, поэтому я продолжал молчать..

– Что эта вещь собирается делать, получив это?

Я повернулся, чтобы уйти.

– Ты хорошо ответил, – сказал он. – Можешь войти!

Я вошел и, пройдя мимо ряда безликих деревянных статуй с руками – обрубками, остановился перед картиной, которая изображала какого-то человека, сидящего в той же самой позе.

– Можешь задать мне три вопроса, – сказал он, не оборачиваясь.

– Что вы делали со мной вчера? – я спросил.

Он встал и повернулся ко мне.

– Латихан, – сказал он. – Древняя тибетская молитва. Ты умирал. Твоя энергия, аура, уходила из тебя, и мы затыкали дыру в тебе.

Я не понимал, о чем он говорит, но все равно волна свободы и счастья захлестнула меня на мгновение, как если бы далекая петергофская чайка пролетела в этом низком подвале над моей головой.

– Почему вы гудели?

– Слова всегда лгут. Молясь в словах, мы думаем о других вещах, поэтому Небо не верит нашим молитвам. Гудение есть гудение – оно всегда честное.

Сначала что-то удерживало меня от третьего вопроса, но я все-таки спросил:

– Почему мы были голые?

– Во время Латихана каждый должен быть голым и чистым перед Небом, как ребенок.

– Можно мне придти сюда завтра? – я спросил.

– Это – четвертый вопрос, – сказал он, и мне показалось, что год прошел, прежде чем он ответил: «Конечно, почему бы и нет?..»

Моя мама не могла справиться с этим – подвал стал моим вторым домом. Сенсей никогда не называл то, чем мы занимаемся, но другие говорили, что это была смесь Дзена, Йоги и Тай-Чи – китайского способа перераспределения энергии и Кунг-Фу – этой широко открытой калитки в небытие.

Я отработал «Удар цапли», когда вы складывали ваши пальцы наподобие клюва и ударяли в ведро с влажным рисом, так чтобы достать монетку с самого дна. Я отработал «Шлепок змеи», когда вы падали на ладони и били деревянный идол обоими вашими ногами, так чтобы он отлетел, как игрушка.

Когда я выполнял «Удар цапли», я был цаплей, но когда я выполнял «Шлепок змеи», я становился змеей, и когда однажды я участвовал в Латихане, я превратился в грубую трубу, и суровый ветер северных плоскогорий пронесся, завывая, через меня...

Женщина в трамвае проснулась и схватилась за сумочку – может быть, пока она спала, кто-нибудь украл что-нибудь из ее нее. Ее сияние съежилось и умерло.

Мне было четырнадцать. Трамвай остановился, и мы вышли из него. Моя мама хотела взять меня за руку, но я отпрыгнул прочь. Я боялся, что моя мама может догадаться о моем сне.

Ночью я видел сон обо мне и моей маме. Мы стояли на коленях напротив друг друга, голые, и моя штука была длинной и толстой. Я трогал мою маму моей штукой здесь и там, в черное и красное. Мне было не стыдно, а сладко, и проснулся я весь мокрый и разбитый.

Страшнее кошки зверя нет

– Это – твой отец! – сказала моя мама, и я поймал себя на мысли, что лучший способ получить его – полшага на юго-юго-восток, и йоко-гери левой ногой в печень. Это не значило, что я воспылал гневом против него. Просто наш сенсей иногда разрешал мне полноконтактный спаринг и, стоя рядом с любым мужчиной, я автоматически находил лучший способ получить его.

– Как поживаешь, папа? – спросил я. Моя мама облегченно вздохнула, и мы уселись ужинать.

В тот вечер мой отец был очень веселый и жизнерадостный. Он сказал нам, что месяц назад вышел из тюрьмы, где просидел два года. Собственно говоря, сказал он, это был его третий срок.

Первый раз, он сказал, Гитлер посадил его в тюрьму, по ошибке конечно, как русского шпиона. Гитлер, он сказал, до этого никогда не ошибался, но в этот раз он ошибся и ни за что, по ошибке, продержал его в тюрьме почти год! В конце концов, это было прекрасно со стороны Гитлера! – обменять его на какого-то немца, который сидел в нашей тюрьме, тоже по ошибке, конечно.

Второй раз это был Сталин, кто посадил его в тюрьму. Испанская гражданская война кончилась, и Сталин был очень рассержен, потому что фашисты, к несчастью, в конце концов, все-таки побили коммунистов. Он расстрелял своего полномочного представителя в Испании – журналиста Кольцова и назначил его родного брата главным карикатуристом юмористического журнала «Крокодил».

Сталин, по ошибке, конечно, обвинил моего отца, что тот плохо руководил переброской русских офицеров и тяжелой военной техники в Испанию. На самом деле, мой отец сказал, он не имел ничего общего с этим делом – ни чуточки. Хотя много людей почему-то полагали, что он имел.

Во время Испанской войны он жил в Испании в одном отеле со знаменитым писателем Хемингуэем. Этот писатель искал человека, который руководил этой переброской, чтобы написать о нем книгу. Как только мой отец сказал ему, что он – не этот человек, Хемингуэй сразу захотел написать другую книгу о моем отце – как он не руководил этой переброской. Может быть, Хемингуэй и написал бы эту книгу, если бы не Сталин, который посадил моего отца в тюрьму.

В любом случае, Сталин по ошибке посадил моего отца в тюрьму, но выпустил его через два года, когда оказалось, что человек, который руководил этой переброской, не допустил ни одной ошибки.

После этого Сталин еще раз посадил моего отца в тюрьму. Должно быть, он заимел плохую привычку – сажать моего отца на два года ни за что.

В общем, мой отец провел в тюрьме пять лет. Он сказал нам, что они обещали не сажать его больше в тюрьму по ошибке. Мой отец был рад слышать это. Он был в очень хорошем настроении в этот вечер и сказал, что хочет познакомить меня с моим братом, который на два года младше меня. Он сказал, что мой брат мечтает подружиться со мной.

Мой отец сидел на почетном месте – на диване, около книжного шкафа, который высился под самый потолок. Мы сожгли всю нашу мебель во время блокады, и этот книжный шкаф был нашей первой новой покупкой. Большой и красивый, он был уже сильно исцарапан нашим котом, который любил спать на его верхушке. Как раз в тот момент он спал там. Этот сибирский кот был скорее маленькой зеленоглазой рысью, он не был кастрирован и весил больше шести килограмм. Обычно он ходил за мной по пятам и на даче часто спасал меня от соседских собак, которые боялись его, словно Кошки из Ада. Он приносил на колени бабушке живых

ящериц и сопровождал меня в лес и, когда уставал, забегал вперед и ложился поперек моего пути, я поднимал его и укладывал на свои плечи, как тяжелый пушистый воротник, он мягко кусал меня за ухо и легонько точил когти о мою куртку. Мы соорудили специальную портьеру на шкафу, но шкаф все равно был здорово исцарапан.

Я не знаю, что ударило его, но вдруг он прыгнул вниз, со шкафа, с четырех метров высоты, прямо на спину моему отцу, на его плечи.

Мой отец изменился в лице, схватился за грудь и, закатив глаза, потерял сознание. Мы вызвали «Скорую». Пока мы ожидали ее, кот ходил вокруг меня и терся о мои ноги, мурлыкая, но первый раз в моей жизни я не понимал, что он хочет сказать мне.

Доктор сказал, что у моего отца – обширный инфаркт.

Через месяц мой отец вышел из больницы, но я никогда больше не видел его веселым и жизнерадостным. Мне было тринадцать. Я жалел моего отца и в то же время я немного гордился своим котом, который побил человека, с которым Сталин и Гитлер вдвоем не могли справиться.

Оперная студия Консерватории

– Как насчет Оперной студии? Мне обещали два билета, – сказала эта капризная дочь богатого человека.

– Нет входа до шестнадцати, – я ответил.

– Чепуха! Я подкрашусь, и ты с твоей седой головой сойдешь за восемнадцатилетнего.

– А твой отец?

– Он в командировке. А наша домработница досмерти меня боится.

– Я люблю зеленое с коричневым, – внезапно добавила она, взглянув на деревья, и пропела эту фразу несколько раз на разные мотивы. Там было много людей вокруг нас, но никто не обратил внимание на ее слова. Только я содрогнулся, поняв их особый смысл.

Мы сидели на куче бревен в нашем дворе. Она забралась чуть выше меня, так что край ее легкой короткой юбочки касался моего нового, зеленого с коричневым, пиджака. Мне недавно исполнилось четырнадцать, она была на год старше меня, и это было мучительно – сидеть так близко к ней. Она, ее отец, полковник, и ее брат переехали в наш дом сразу после войны. Сначала только ее брат, толстый парень моего возраста, выходил в наш двор, и я подружился с ним, еще ничего не зная о ней. Потом он познакомил меня с ее отцом, их домработницей и с ней. Я понравился ее отцу. Иногда он брал меня вместе с их семьей на дачу. Там он учил меня обращению с пистолетом, а ее брат именовал разных жуков и бабочек, рассказывая нам про их странную жизнь. Я демонстрировал упражнения Йоги и Кунг Фу, и протыкал себя вязальной спицей, и метал нож в цель. Еще я читал им стихи – мои собственные и других поэтов. Она обычно пела и танцевала для нас. Я сходил с ума по ней эти два года. Собственно говоря, все мальчишки сходили по ней с ума....

Она потянулась, и я почувствовал каждый ее нерв.

– Завтра в шесть у главного входа, – она встала и пошла домой, тронув на прощанье коленом мою руку. Я не смел провожать ее глазами – так прекрасна она была!

Оперная студия была далеко от нас – одиннадцать трамвайных остановок. Она располагалась напротив знаменитого театра Оперы и Балета, из которого Нуриев, Макарова и Барышников позднее бежали на Запад. Сегодня эта студия – скорее безжизненное грязно-зеленое здание, но в те дни там был шикарный притон, потому что они показывали фильмы из трофейной личной коллекции Геринга.

Покойный рейсхмаршал был знатоком кино – снаружи клянчили милостыню безногие инвалиды и черный рынок бушевал в полную мощь, а внутри наяривал джаз и холеные красавицы в последний момент ускользали из объятий злодеев с прилизанными волосами. Там добро всегда побеждало зло. Цвет Ленинграда собирался там. Конная милиция охраняла вход, и это было невозможно – достать туда билет.

Я прибыл в половину шестого, хотя я был абсолютно уверен, что она не придет. Но она пришла. Я увидел ее и мое сердце похолодело от ее красоты. И больше, чем от ее красоты – от ее свободы и незащищенности, когда она пробивалась через толпу.

Я не помню, какой фильм шел в тот вечер – вроде бы «Девушка моей мечты» Я держал ее руку, пока обнаженная красавица танцевала на бочке перед нами. Мне было стыдно, но я все равно смотрел. Роскошное ренуаровское тело – как я мог бы сказать сегодня – показывалось так близко, что мы могли видеть каждый отдельный волосок, и в зале вокруг нас царил смех. Вдруг моя девушка тихо сказала мне:

– Не смотри на нее!

– Я умру за тебя, – я ответил.

В тот момент музыка смолкла, так что мои слова прозвучали громко и четко, и смех взорвался вокруг нас.

– Пойдем ко мне! – так же громко и четко, как только что я, сказала она.
Никто не смеялся, когда мы проходили через ряды...

Я не помню нашего обратного пути. Я только помню большую комнату и светильник в виде совы.

– Мы уезжаем из Ленинграда, – она сказала. – Я люблю тебя.

Я задохнулся, сделал шаг вперед и у каждого из нас выросли тысяча рук и тысяча губ.

– Давай, любимый, давай, – прошептала она вдруг, поворачиваясь спиной ко мне, становясь на колени, принимая странную позу. Я с трудом понимал, что я должен делать, но, видно, Бог вел меня и помогал мне, потому что я умудрялся делать что-то. Она стонала и шептала – «левой» или «правой», и иногда «ниже», и в конце концов я попал в то место, куда она хотела, чтобы я попал. Я любил ее очень медленно, и нежно, и глубоко, и она слабо вскрикнула: «Что со мной, что со мной?» и опустилась на ковер, осторожно потянув меня за собой, так чтобы мы не покинули друг друга.

Она поцеловала меня. Этот поцелуй – даже сейчас я помню его нежность, разрывающую мое сердце.

Мы встречались еще несколько раз – на чердаке и в подвале, но все эти встречи были скорее случайными, в спешке, и не принесли нам прежнего ослепляющего счастья. Через месяц ее отца перевели куда-то, и я потерял ее след.

Я не надеялся услышать что-нибудь о ней, но вскоре Сталин расстрелял Еврейский Антифашистский Комитет и арестовал много людей за сотрудничество с ним. В нашем дворе ходили слухи, что ее отец – хотя он, конечно, не был евреем! – участвовал в этом сионистском заговоре и получил свои заслуженные восемь лет.

На двух инструментах сразу

В нашем доме до Революции каждая квартира имела два входа – черный и парадный. Похоже, уважаемые люди жили в нашем доме. Советская Власть, выгнав их, а может – убив, вселила сюда разную шпану вроде нас. От пяти до восьми семей теперь жило в каждой квартире – по мнению Советской Власти это была роскошная жизнь. Когда-нибудь я расскажу вам о квартирах, где жили десять семей, имея одну ванную и одну уборную. Сейчас я только хочу сказать, что большинство наших квартир было поделено на две, так чтобы каждая из них имела свой собственный вход и выход. Некоторым людям посчастливилось гулять вверх и вниз по мраморным лестницам, другим – нет. Естественно, наша лестница была самой черной. Даже я возненавидел бы ее, если бы не она.

Эти девушки приходили почти каждый день, достаточно часто меняясь, однако сохраняя одну общую особенность – они всегда ходили парами, цокая каблучками, как будто молодая веселая лошадка бежала мимо нашей двери. Я привык приоткрывать дверь, чтобы взглянуть на них – шикарно одетых и удивительных, поднимающихся вверх. Они не были чайками, ничуть! Скорее необычные Жар-птицы пролетали, не глядя на меня, через нашу лестницу, пропахшую кошками. Мне было четырнадцать, почти год назад потеряв мою первую и последнюю подругу, я мечтал о муках любви – безразлично к кому. Поэтому временами я осмеливался провожать их глазами, с одной единственной мыслью – сделать и умереть! – обнять их, этих девушек, целуя их сразу обеих. Они никогда не возвращались, как будто навечно возносясь в небо. На самом деле мужчина, к которому они приходили, был вдвойне счастливчик – располагаясь над нами, на следующем этаже, он жил в неразделенной квартире, пользуясь обоими, черным и парадным ходом. Девушки всегда покидали его через парадный ход, подчеркивая этим свою таинственность.

Даже так наш двор знал все про этого человека, много разных слухов ходило про него в нашем дворе. Он когда-то играл в знаменитом оркестре, которым руководил еврей с русской фамилией из города Одессы, прославленного своим юмором, преступностью и писательскими талантами. Этот руководитель в те дни был самым известным человеком в России, разумеется, после Сталина.

Все любили его. Несмотря на все усилия Советской Власти, временами, здесь и там, из-под вечных ее снегов неожиданно пробивался маленький эрзац свободы – этот оркестр был как раз таким наглым подснежником.

Даже сейчас я не понимаю, почему Советская Власть не откусила голову этому еврею – иногда ее непоследовательные поступки приводят меня в замешательство.

В любом случае, купаясь в славе своего прежнего руководителя, он был большая шишка – наш сосед. Поэтому я очень удивился, когда однажды он остановил меня во дворе.

– Слушай, – сказал он мне. – У меня есть проблема. Только ты можешь мне помочь.

– Конечно, – ответил я. – В чем дело?

– Не здесь, – он сказал. – Это довольно трудно для понимания. Пойдем ко мне.

Первый раз в моей жизни я, по праву пройдя по мраморной лестнице, вошел в его квартиру. Афиши ударили меня – вместо обоев его прихожая и комната, где мы остановились, были оклеены афишами. Мы сели за стол.

– Ты должен сыграть роль моего сына на вечеринке, на моем дне рождения, – сказал он. – Сколько тебе лет?

– Четырнадцать, – я ответил. – Я боюсь, Вам лучше найти кого-нибудь другого.

– Готов поклясться, ты старше шестнадцати, – сказал он.

– Пьяный, я сболтнул одной из моих девушек, что моему сыну восемнадцать. Я сказал, что он очень красивый и умный парень. Постарайся не разочаровать ее. Она мечтает дать ему

пару уроков. Я надеюсь, у нее не будет времени особенно разглядывать тебя, она – горячая девочка, знаешь ли. На самом деле я мог бы пригласить кого-нибудь из Театрального института, но эти убудки не держат язык за зубами. Я ненавижу это.

– А как насчет Вашего настоящего сына – спросил я.

– Никогда не имел его, – ответил он с обезоруживающей простотой.

– Что мы собираемся делать потом? – я спросил.

– Множество разных штук, – ответил он, раскачиваясь на стуле.

Он был такой прекрасный и раскованный, как будто сам дьявол показывал себя в лучшем виде. Мне захотелось слегка потрогать его – есть или нет рожки у него под беретом.

– Я имею в виду – после всего, – уточнил я.

– Цыгане украдут тебя, – отмахнулся он. – Или я усыновлю тебя, или ее зарежет какой-нибудь пьяный любовник – какая тебе разница?

– Ты – поэт, не правда ли? Выбирай любой конец или придумай новый. Например, меня посадят в тюрьму. Ты огорчаешь меня, мой сын – ты всерьез заботишься о своем будущем. Я краснею за тебя!

Сумасшествие благоухало вокруг нас. Я не мог говорить от восторга.

– Завтра в восемь, – сказал он, провожая меня до двери.

Он похлопал меня по плечу, и я понял, что чувствует потерявшаяся собака, обретя наконец своего хозяина. Он дал мне одну из тех афиш – его портрет в полный рост с надписью «Проглотив шестерых, он сам играет за каждого из них!»

Всю ночь мечтая о девушке, я догадывался, что он приглашает меня не только ради нее. Тем не менее я бы определенно пошел к нему, если бы не короткая мысль, остановившая меня – после этого я никогда не смогу участвовать в Латихане. «Не лезь на рожон, парень!» в конце концов сказал я себе, боясь себя самого.

...а завтра я рассказал все нашему сенсею.

– Не бери в голову! – сказал наш сенсей. – Еву и Адама выгнали из Рая за их самонадеянность – всего-навсего съев какое-то яблоко, они вообразили, что знают разницу между Добром и Злом. Ты, действительно, надеешься понять Путь Неба?

Мы остались добрыми друзьями – этот человек и я. Часто встречаясь во дворе, мы пожимали друг другу руки, как будто бы ничего не произошло, но больше он не приглашал меня на вечеринку, оставляя меня в смутном страхе и надежде – может быть, это еще случится.

Наши встречи продолжались довольно долго, пока отец одного из наших мальчиков не избил его у всех на глазах до полусмерти. Суд был при закрытых дверях, поэтому я не мог слышать лично, как этот отец получил три года за нанесение тяжелых телесных повреждений, а этот человек получил восемь лет за совращение малолетних и педерастию (так официально назывались эти две статьи в Российском уголовном кодексе).

Больше я никогда не видел этого человека – про него говорили, что он умер в тюрьме. Из всех концов, которые он придумал, он выбрал наихудший.

На самом деле этот человек был способен играть одновременно на шести инструментах, хотя на афише, которую я хранил до недавнего времени, он – разбалансированный, но молодой и счастливый, абсолютно в стиле Пикассо голубого периода – играл только на двух инструментах сразу.

Крещение в тумане

– Так прямо и броситься под поезд? – переспросил я моего сенсея.

– Точно! – ответил он. – Подпусти поезд метров на сто и бросайся под него. У тебя будет куча времени – секунд пять. Постарайся не перепутать – ложись вдоль, между рельсами, не поперек!

На этом занятии сенсей рассказывал нам о крещении. Он говорил, что когда-то люди понимали, что в обычной жизни они всегда спят и суровая правда крещения – надежда на то, что ты проснешься в смертельный момент. Иногда, он сказал, проходя через смерть, ты можешь проснуться и, покинув свое бедное тело, обрести Вечную Жизнь. Любая религия, он сказал, в древности понимала это, оставив выражение типа «Крещение огнем» в любом языке. В стародавние времена, он сказал, люди ненавидели торговаться с Небом, они были воины, не торговцы, они играли по высшим ставкам, не цепляясь за их маленькие бедные жизни.

Иоанн Креститель и Гурджиев топили своих учеников в реках. Измаилиты держали их в глубоких темных ямах месяц и больше без еды. Монголы протаскивали на веревке своих учеников между огромными кострами, которые то и дело смыкались. Йоги и некоторые американские секты используют ядовитых змей. Украв эту идею у религии, он сказал, два каких-то парня Сартр и Камю назвали ее «экзистенциализмом».

– Будьте воинами, – сказал наш сенсей, – танцуйте на шаг от смерти, и вы будете непобедимы.

Мне было четырнадцать, и я мечтал стать непобедимым воином, поэтому, уловив момент, я подошел к сенсею и спросил его – как насчет моего крещения.

– Бросайся под поезд, лицом вверх, – посоветовал сенсей.

Найдя подходящий путь, я снова и снова выбегал на рельсы, за три секунды падая лицом вверх между ними, собирая собак со всей округи – имея мало развлечений, они приходили глазеть на меня. В тупике стоял какой-то товарняк, состоящий из паровоза и шести вагонов. Несколько раз я проползал под ним – надо мной оставалось достаточно свободного места, по крайней мере, сантиметров двадцать.

Но движущийся поезд был совсем другое дело. Я выучил расписание наизусть, хотя в этом не было необходимости – задолго до поезда земля начинала трястись, с его стороны летели птицы, напуганные дымом, и, наконец, он выпрыгивал – огромное, черное, грязное чудовище – этот тяжелый товарный поезд. Я был уверен, что, заметив меня, он найдет и переедет меня где угодно, даже на верхушке дерева. Поэтому я обычно бросался на землю, боясь шелохнуться.

Там была автомагистраль рядом с железнодорожным полотном. Однажды я решил потренироваться, для начала перебегая дорогу перед автомобилем.

Этот шикарный автомобиль по сравнению с поездом был такой чистюля, что я с безумной радостью бросился под его колеса. Вдруг начались какие-то штуки с временем: лицо водителя стало белеть странным образом. Казалось, кто-то размашистой рукой затушевывает его белым карандашом, от волос к подбородку. На его лбу стали выступать какие-то маленькие капли, сливаясь в большие, медленно ползущие вниз потеки, он начал горбиться, наклоняясь вперед. Я ощутил боль колес его автомобиля – кто-то твердой рукой прижимал их к земле, ненавидя останавливаться, они все-таки остановились....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.